

[«Платформа 15-ти»]

В ЦК ВКП(б).

Уважаемые товарищи,

Уже более трех лет партия переживает кризис. Разногласия, вокруг которых развернулась дискуссия в 1923 г., ни в малейшей степени не изживаются, наоборот; они все более расширяются и углубляются. Уже в 1925 г. окончательно распадается даже та группа, которая до тех пор играла руководящую роль в Политбюро. Из этой группы выделяется Ленинградская оппозиция, против которой остальная часть прежней группы ведет борьбу столь же ожесточенную, как и против оппозиции 1923 года. В 1926 г. происходит слияние оппозиции 1923 и 1925 г. г. В то же время внутри новой руководящей группы опять замечаются разногласия, опять возможен новый «раскол». Все это с очевидностью показывает, что партия находится в состоянии такого глубокого кризиса, какого она со времени революции еще не переживала. А разрешить его необходимо сейчас более, чем когда бы то ни было.

В прямой связи с последними неудачами в Китае, которые в значительной степени обусловлены неправильным руководством китайской революцией, международная обстановка резко обострилась. Опасность войны и интервенции несомненна. Война против СССР, как государства диктатуры пролетариата, не может быть обычной войной одного государства против другого; она может быть только борьбой буржуазии против международного пролетариата. Борьба с международным империализмом, поскольку она примет военный характер, неизбежно вызовет крайнее обострение классовой борьбы в тылу каждой из борющихся сторон, создавая внутренний фронт наряду с внешним. Решающую роль в этом столкновении будет играть связь с революционным движением мирового пролетариата. Излишне говорить о том, что в такой борьбе, как в исторических битвах гражданской войны та часть партии, которая находится сейчас в оппозиции, займет не последнее место. Но успех классовой борьбы пролетариата, в каких бы формах она ни происходила, возможна только, если во главе его стоит сплоченная, активная тесно спаянная с рабочим классом партия. Этой сплоченности, этой активности сейчас нет, это нужно сказать открыто — для того, чтобы ее добиться. Кризис партии должен быть разрешен.

ЦК пытается разрешить его механически подавлением оппозиции. «Проработки» следуют за «проработками», одна кампания «против вылазки оппозиции» сменяется другой. Товарищей, стоящих на точке зрения оппозиции, удаляют из состава Политбюро,

теперь идет подготовка к исключению их из ИККИ и из состава ЦК — всего за несколько месяцев до созыва партийного съезда, где должен быть нормальным порядком определен новый состав ЦК. По отношению к рядовым членам партии, разделяющим взгляды оппозиции преследования носят еще более ожесточенный характер, вплоть до исключения из партии, не считаясь ни с их революционными заслугами, ни с тем, что они — рабочие от станка. Начинаются преследования против подписавших заявление 84, направленное в ЦК в самом легальном партийном порядке. Оппозиционеров привлекают к партийному суду только за то, что они на партийных собраниях высказывают взгляды несогласные с точкой зрения ЦК. Члены партии лишаются, таким образом, самых элементарных партийных прав. Идет открытая подготовка общественного мнения к исключению оппозиции из партии.

Этого мало: в борьбе против оппозиции ЦК открыто применяет внепартийные меры воздействия, создавая наряду с этим «дело» против т. Зиновьева за его, якобы, «апелляции к беспартийным». «На бирже смеяться будете!» еще недавно грозил оппозиции на одном из партийных собраний Харькова член Политбюро ЦК КПУ т. Постышев. «Будем снимать с работы», запугивает ее в Москве секретарь МК т. Котов. Оппозицию хотят заставить молчать угрозой голода. ЦК открыто прибегает к помощи государственного аппарата против членов партии.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что борьба с оппозицией такими методами есть борьба против партии. ЦК не дает низовой партийной массе возможности разобраться в разногласиях. О взглядах оппозиции партия знает только по искаженной передаче сторонников ЦК. Статьи и речи товарищей, стоящих на точке зрения оппозиции не печатаются, а иногда (как это было на апрельском пленуме ЦК по китайскому вопросу) даже не стенографируются. Даже отчеты пленума ИККИ вопреки всем прежним традициям не опубликовывались в партийной прессе, а в выпущенной недавно для членов партии части этих прений, речь т. Троцкого не напечатана под тем предлогом, что он якобы, не успел выправить стенограмму. Если оппозиционерам не позволяют говорить, то партийным массам не позволяют знать, о чем идет спор, хотят заставить их верить на слово официальным докладчикам.

Члены партии на партийных собраниях голосуют за ЦК (если только не уклоняются от голосования) под угрозой репрессий. Создается знаменитое «единогласие», видимость единства, ничего общего с действительным единством партии не имеющая. Эта видимость единства достигается подавлением активности партии. Тот путь, которым идет ЦК, есть не путь единства, а путь разрушения партии. Он есть вместе с тем чудовищное извращение ленинских методов руководства партией.

«Что нужно сделать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения. Нужно, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью приняли изучать, во-первых, сущность разногласий, а во-вторых, ход партийной борьбы. Надо изучать и то, и другое обязательно, требуя точнейших документов, напечатанных, доступных к проверке с обеих сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого махают рукой. Если нет документов, нужен допрос свидетелей обеих или нескольких сторон и обязательно «допрос с пристрастием» и «допрос при свидетелях».

Так ставил вопрос Ленин в 1921 году, так только можно ставить его и сейчас. Партийная масса, и в первую голову рабочая партийная масса, является единственным судьей, который вправе разрешить и один только может разрешить затянувшийся партийный кризис. Отсечение за спиной партийной массы оппозиционной части партии, которая включает в себя сотни и тысячи товарищей, прошедших огонь трех революций, сражавшихся на фронтах гражданской войны, руководивших революционной борьбой пролетариата и возглавлявших пролетарскую диктатуру в самые трудные моменты, не есть выход из положения. Только на ленинском пути можно вернуть партии то подлинное единство, которое означает прежде всего величайшую активность всей партийной массы, готовность ее пойти на все жертвы во имя победы пролетарской революции и социализма.

Партийная масса имеет право, а каждая из сторон обязана представить ей точное и подробное изложение своих взглядов по всем вопросам разногласий. Этот наш долг мы и выполняем в прилагаемом документе. А ЦК должен выполнить и свой долг перед партией.

Он должен довести до сведения партийной массы все те документы, в том числе и наш, по которым масса партии могла бы разобраться в теперешней сложной обстановке, он должен отпечатать эти документы и разослать их по всем партийным организациям, как материал к XV-му партсъезду, до созыва которого осталось только около 4-х месяцев. Ближайший пленум ЦК должен быть посвящен обсуждению порядка дня съезда, предсъездовской кампании и тех материалов, которые представлены к съезду. Мы уверены, что нам будет предоставлена возможность отстаивать на пленуме изложенные нами взгляды.

XV-й партийный съезд созывается после двухгодичного перерыва в момент острейшего партийного кризиса. Тем более он должен быть подготовлен в условиях, исключающих всякую возможность терроризирования партии, всякие попытки нажима. Выборы на съезд должны быть произведены в полном соответствии с партийным уставом и большевистскими традициями на основе широкого обсуждения всей партией всех

важнейших вопросов, стоящих перед ней. Только тогда его решения могут быть правильными и авторитетными.

27-го июня 1927 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Революция 1917 г. в России, переворот 1918 г. в Германии и Австрии, ряд революционных движений в период 1919–21 годов в других Европейских странах (Венгрия, Италия, Англия) были первым натиском революционного пролетариата, первой вспышкой мировой революции, после того, как «мир вступил в эпоху войн и революций». Эта первая вспышка социалистической революции была ближайшим образом связана с военным и послевоенным кризисом мирового хозяйства. Она победоносно закончилась лишь в России установлением диктатуры пролетариата. В остальных Европейских странах верх одержала буржуазия, при активном участии изменнической социал-демократии, с которой в момент революционного натиска пролетариата она «разделила власть». Коалиционные правительства явились только коротким этапом к нынешней открытой диктатуре буржуазии. Вторая, более слабая вспышка — революционное движение 1923 года в Германии, возникшее на почве грабежа Германии державами-победительницами (оккупация Рура и т. д.) также была разбита. Наступил второй перерыв, который получил название «стабилизации капитализма».

Означает ли этот перерыв, что капитализм вступил в какую-то новую более или менее длительную эпоху мирного развития? Разумеется, нет. Это означало бы, что противоречия, приведшие его к империалистической войне и последующей волне революционных движений в какой-нибудь степени разрешились или ослабились. Между тем все специфические особенности империалистического периода не только не ослабляются, но усиливаются. Картели растут, потребность во внешних рынках усиливается, обнищание рабочего класса и безработица растут более, чем когда-либо, классовые противоречия обостряются до крайней степени. Революционное движение колониальных народов разворачивается все шире, несмотря на местные и временные поражения. Оно подрывает систему эксплуатации угнетенных наций империалистическими державами, на каждой своей стадии создает новые противоречия между этими державами и усиливает классовые противоречия внутри их. Капиталистический мир еще до мировой войны вошел в эпоху войн и революций, которая может лишь окончиться с гибелью капитализма, с торжеством пролетарской революции.

Мы не можем заниматься предсказаниями о том, через сколько лет произойдет эта победа. Возможную продолжительность эпохи войн и революций Маркс и Ленин определяли десятилетиями, с переменными успехами рабочего класса (победы, поражения). Было бы утопией полагать, что пролетариат, раз победивший в одной стране, останется при всех условиях у власти до победы мировой революции. Во весь длинный период войн и революций победы рабочего класса в отдельных странах могут сменяться поражениями (напр. победы и поражения социалистических революций в Венгрии и Баварии). Наивно также полагать, что весь период войн и революций, т. е. многие десятилетия будут сплошной войной и революцией, сплошной вооруженной схваткой между рабочим классом и буржуазией. Перерывы, в течение которых происходит более или менее «мирное» развитие, неизбежны. Но эти «мирные» периоды ничуть не похожи на мирные периоды до эпохи войн и революций. И во время их классовые противоречия остаются крайне напряженными и могут в любой момент вновь превратиться в вооруженную схватку.

Поэтому всякий спор о стабилизации, как о каком-то, хотя бы и временном, но определенном периоде мирного существования и развития капитализма является пустой схоластикой. Всякие предсказания, всякая ориентация на то, что революция не вспыхнет в течение такого-то промежутка времени (как из этого исходят теоретики «победы социализма в одной стране»), является знахарством в теории и оппортунизмом на практике. Отдельные вспышки революционного движения и отдельные войны (всеобщая забастовка в Англии, революция и война в Китае) происходят почти непрерывно и могут всегда перейти в решительный бой между буржуазией и пролетариатом Европы и всего мира. Предсказания и диагнозы можно здесь делать только на месяцы, но не на годы. То, что мы имеем сейчас, есть только перерыв в вооруженной борьбе.

Особенно нужно отметить изменение положения после войны в Европе. В результате войны она потеряла не только свое господствующее, но и самостоятельное в мировом хозяйстве положение. Господствующей капиталистической страной стала Америка. Приток американского капитала в Европу означает, что часть прибавочной ценности, выкачиваемой из своих рабочих и из своих колоний, Европейская буржуазия должна будет отдавать Америке. Отсюда неизбежно опять таки еще большая эксплуатация рабочего класса в Европе, с одной стороны, еще более острая борьба за передел колоний между европейскими империалистическими державами, с другой. Если противоречия капитализма после войны усилились во всем мире, то еще больше они обострились в Европе.

Истощенная войной Европа, только спустя 8–9 лет после окончания мировой войны, подошла к довоенному уровню производства. Но это достижение довоенного уровня сопровождается несравненно большим обострением противоречий между различными группами империалистических государств и между различными классами, чем это было до войны. Это явно показывает, что капитализм себя исчерпал, что он потерял способность двигать вперед производительные силы, по крайней мере, на своей старой родине, Европе. Не следует, разумеется, изображать дело так, будто за известной чертой развитие производительных сил автоматически останавливается. На отдельных участках экономического фронта капитализм и в настоящее время имеет и может иметь некоторые успехи: развивается техника, рационализируется промышленность. Но в общем и целом, объем производительных сил увеличивается крайне медленно, а столкновения между классами и империалистическими кликами вновь разрушают их.

Все это ставит капиталистическую Европу под удар пролетарской революции в первую очередь. А революция в Европе неизбежно даст мощный толчок социалистической революции в Соединенных Штатах, теперешнее «благополучие» которых основано на временном торжестве буржуазии в Европе и на подчинении этой буржуазии американскому капиталу.

Под углом зрения этой оценки должна строиться тактика Коминтерна. Это, разумеется, не означает, что коммунисты должны всегда выдвигать только те методы, которые приемлемы в момент непосредственно революционной ситуации. В момент перерыва они должны отстаивать и выдвигать и частичные требования, смело применяя в частности тактику единого фронта. Но не следует ни на минуту упускать из виду, что основной задачей, которой должно быть подчинено все остальное и в момент теперешнего перерыва является подготовка открытой борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как ближайшего этапа мировой истории.

Общая эволюция классовых отношений и классовой борьбы в СССР.

Задержка мировой революции поставила СССР в необходимость развивать хозяйство, опираясь почти исключительно на внутренние ресурсы страны. При огромной роли мелкого крестьянского хозяйства и огромном численном перевесе мелкобуржуазных слоев населения советская власть не могла не испытывать на себе давления. «Пока существуют классы, неизбежна классовая борьба». (XI Съезд партии «О роли и задачах профсоюзов»). Поэтому, с одной стороны, результаты нашей политики должны оцениваться не только с точки зрения развития производительных сил, но и с точки зрения роста или изживания классовых противоречий. С другой, мы должны самым

тщательным образом учитывать, какое влияние на нашу политику оказывали непролетарские классы населения. Оценка этого влияния на политику партии и оценка классовых результатов этой политики является обязательной.

Общие итоги изменения классовых отношений за годы нэпа сводятся к следующему:

1) Появилась и окрепла новая буржуазия, преимущественно паразитического типа, захватившая себе прочные позиции в сфере торговли, спекуляции и ростовщичества, но захватывающая уже частично и сферу производства.

2) Расслоение крестьянства быстро растет. Бедняцкая часть деревни уже в конце 1925 года по подсчетам крестьянской комиссии ЦК, составляла 40–45% всего числа крестьян. Отход из деревни в город все усиливается, и число батраков быстро увеличивается. Мощь кулацких элементов резко возрастет. Кулак добился крупных экономических уступок в виде допущения найма рабочей силы и аренды земли. Эти уступки становятся все большими: наемный труд, разрешенный сначала только для трудовых хозяйств, теперь допущен и для применения на арендованной земле. Предельный срок аренды, ограниченный первоначально тремя годами — 3-м Съездом Советов в мае 1926 года увеличен до 12-ти лет. Кулак получил доступ в кооперацию и его значение в ней настолько сильно, что он начинает уже частично овладевать ею. Он получил доступ и в Советы. Политическое и экономическое значение кулака в деревне все увеличивается, влияние его на деревенские советы и в самих советах растет.

3) Рост реальной заработной платы резко отстает от роста интенсивности труда. При этом с октября 1925 г. заработная плата остановилась в своем росте и обнаруживает даже тенденцию к понижению, между тем как выработка на рабочего за этот период поднялась не менее, чем на 15%. В то же время административный нажим хозяйственных органов на рабочего резко усилился, права администрации значительно расширились. Это ведет все к большему росту недовольства рабочего класса.

4) За время нэпа численность рабочего класса значительно возросла, однако с начала текущего года происходит резкий перелом и рост этот почти приостанавливается. Наряду с этим безработица растет все более быстрым темпом: уже в 1926 г. рост безработных обгоняет рост числа рабочих. В настоящем году рост безработицы еще усиливается и количество безработных за первое полугодие 1926-27 года резко увеличилось на 385 тысяч человек, т. е. на 36%.

Таким образом, довольно быстрое до сих пор расширение продукции нашего хозяйства вообще и государственного в частности (при очень слабом, однако, изменении его технической базы) сопровождалось усилением социального неравенства, прямым ростом классовых противоречий и классового расслоения (усиление городской и

деревенской буржуазии) за пределами государственного хозяйства, а внутри его значительным «усилением противоположности интересов по вопросам условий труда» между рабочими и органами советского государства.

Октябрьская революция создала огромной важности предпосылки для социалистического строительства, главной из которых является национализация промышленности. Но политика ЦК за последние годы все менее использует эти завоевания октябрьской революции. Говорить при таких условиях, что у нас и сейчас происходит вытеснение капиталистических элементов социалистическими, что мы вступили в какую-то «высшую фазу» нэпа — значит скрывать от партии и рабочего класса то, что происходит на деле. Действительный успех социалистического строительства означает: 1) что производительные силы на базе национализированной промышленности растут быстрее, чем росли при капитализме, 2) что положение рабочих, если только не происходит каких-либо событий (война, интервенция и т. п.) непрерывно улучшается, 3) что разделение общества на классы постепенно изживается и социальное неравенство уменьшается.

На деле это далеко не так. Быстро росла до сих пор только продукция нашего государственного хозяйства, развитие же его производительных сил шло гораздо медленнее. Состояние основного оборудования на транспорте и состояние жилищного фонда все еще продолжает ухудшаться. Что касается промышленности, то пока идет весьма слабое усиление ее чрезвычайно изношенного основного оборудования. Улучшение положения рабочих приостановилось. Социальное неравенство растет, как в результате расслоения деревни, так и в результате образования и роста новой буржуазии. При этом доля рабочего класса в национальном доходе, которая с начала нэпа и до 1925–26 г. непрерывно возрастала, в 1926–27 г. остается в лучшем случае на уровне прошлого года.

Так называемый «восстановительный процесс», процесс развертывания производства без сколько-нибудь значительного усиления основного оборудования, замаскировывал эти отрицательные явления, и создавал видимость быстрого развития производительных сил. Совершенно не случайно поэтому, что эти отрицательные явления все ярче и ярче обнаруживаются по мере подхода к концу этого «восстановительного процесса».

Медленный рост производительных сил в государственном хозяйстве, рост буржуазии, рост классового расслоения деревни, замедляющийся рост численности рабочих в промышленности и приостановка с середины 1925 г. подъема материального положения рабочего класса, усиление в связи со всем этим капиталистических элементов

в самом государственном хозяйстве, рост классовых противоречий и социального неравенства — все это означает, что в общем итоге за последние годы капиталистические элементы растут у нас быстрее социалистических.

Техническая отсталость нашей страны и вытекающий из нее низкий уровень производительности труда, разумеется, является огромным препятствием на пути социалистического строительства. Благодаря этой отсталости переход к действительно социалистической организации производства (при которой рабочий из рабочей силы превращается в хозяина производства, а товарный характер производства уничтожается) без помощи технически передовых стран, без мировой социальной революции для нас невозможен. Именно поэтому мировая революция является для нас не только гарантией от интервенции, как это утверждает сталинско-бухаринская «теория победы социализма в одной стране», но теснейшим образом связана с самыми жизненными интересами нашего внутреннего социалистического строительства, в частности, с положением рабочего класса и беднейшего крестьянства. Лишь при условии мировой революции, которая дает нам возможность использовать для нашего строительства несомненно более высокий уровень производительных сил и производительности труда технически передовых стран, мы сможем создать не только «фундамент социалистической экономики» (Ленин), но и действительно социалистические отношения между людьми. Но было бы полной нелепостью отсюда сделать вывод, что происшедшая задержка мировой революции осуждает на гибель диктатуру пролетариата в СССР. Нет никакого сомнения, что и при нашей технической отсталости, в рамках нэпа мы можем, опираясь на национализацию промышленности развернуть свое хозяйство в направлении к социализму. И если в последние годы происходит более быстрый рост капиталистических элементов по сравнению с социалистическими, то причиной этого является не объективная невозможность строительства социализма, а политика ЦК с ее постоянными уступками давлению мелкой буржуазии.

Индустриализация.

Кризис 1923 г., вызванный, главным образом, почти полным отсутствием всякого руководства хозяйством, создал в руководящей группе ЦК панический испуг перед якобы слишком быстрым развитием промышленности. «Ошибочно с точки зрения социалистического строительства, — гласит резолюция XIII партконференции, — когда в цены товаров сверх себестоимости и минимальной прибыли включаются расходы на такое быстрое развертывание промышленности, которое явно не под силу основной массе населения страны. Необходимо в дальнейшем в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком и темп развития промышленности

согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка». Практически это означало курс на умеренный рост промышленности, на пассивное приспособление ее к развитию сельского хозяйства. Вплоть до XIV-го Съезда, когда в борьбе с «новой оппозицией» был выдвинут на словах лозунг «индустриализации» (сопровождаясь, однако, бешеной травлей против так называемых «сверхиндустриалистов») ЦК все время сдерживал рост промышленности. Производственные программы все время устанавливались в таком минимальном размере, что вплоть до 1925–26 г. они систематически оказывались при выполнении превзойденными. Стихия рынка выправляла, таким образом, политику ЦК ВКП. Уже отсюда ясно, что такая политика была вызвана испугом перед мелкой буржуазией, была уступкой ее требованиям, и шла в ущерб не только развитию промышленности, но и развитию производительных сил нашего хозяйства вообще. Такой же уступкой утопическим требованиям мелкой буржуазии является и политика так называемого снижения цен, установленная XIII конференцией и сохраняющая силу незыблемого догмата и до сих пор.

Основная ошибка этой политики заключается в том, что ЦК стремится снизить во что бы то ни стало промышленные цены до уровня себестоимости плюс «минимальная прибыль» (на практике эта минимальная прибыль оказывается подчас и ниже нуля, цены оказываются ниже себестоимости) независимо от насыщения рынка товарами и независимо от технических улучшений производства, дающих возможность снизить себестоимость и тем добиться действительного систематического снижения цен. В угоду «потребителя» вообще (т. е. в том числе и буржуазии) ЦК решил действовать наперекор законам рынка, в тот период, когда этот рынок развертывался вместе с развертыванием нэпа. На деле от этой политики «в пользу всех классов» выиграла только буржуазия и притом, главным образом, паразитическая буржуазия.

Результаты этой политики ЦК к настоящему времени свелись к следующему:

1. Так называемое «снижение» цен.

Понижение отпускных цен, начавшееся с октября 1923 г. продолжалось только до ноября 1924 г. За это время они снизились на 36%. С этого времени, т. е. на протяжении более 2-х лет никакого снижения даже отпускных цен не происходит, — формально они стоят на одном и том же уровне. На деле же они повышаются, так как при сохранении прежних цен качество товара (в частности мануфактуры), начиная с 1926 г. резко понижается. Оптовые цены, которые включают в себя и торговые накладки государственных торговых оптовых органов, после такого же резкого снижения в конце 1923 г. и начале 1924 г. начиная с июля 1925 г. медленно, но непрерывно растут, — с указанного момента до января 1927 г. они увеличились на 7% (см. движение оптовых

промышленных цен по оптовому индексу Госплана) — опять-таки при ухудшении качества товара, делающем на самом деле повышение значительно больше. Розничные же цены до июля 1925 г. снижались гораздо медленнее отпускных и оптовых (максимальное снижение составляло только 20%), с этого времени они вновь быстро растут — на целых 25% и таким образом к январю 1926 года возвращаются к уровню октября 1923 года. Принимая же во внимание понижение качества товара, они превысили этот уровень. Последняя кампания по снижению цен несмотря на весь административный нажим дала всего несколько процентов (3–5) снижения при дальнейшем ухудшении качества. Таким образом, потребитель получает в настоящее время товар ухудшенного качества по ценам почти что 1923 года. Политика «снижения цен» привела на деле к повышению цен и фальсификации продуктов.

2) Нажива буржуазии и рост паразитических слоев населения.

Расхождение между розничными и отпускными ценами в результате этого все время растет: накладки частной торговли, которые по исчислениям ВСНХ в октябре 1923 г. составляли 8% на отпускные цены, в октябре 1924 г. по тем же исчислениям составляли уже 40%, в октябре 1925 г. — 51%, в октябре 1926 г. — 63% и в январе 1927 г. — 66,5%. В течение последней кампании по снижению цен эта разница еще усилилась: понижение отпускных цен было больше незначительного понижения розничных. Это несомненно привело к значительному накоплению частного капитала. Но наряду с этим в область торговли устремилось огромное количество паразитических элементов. Часть их бросается на самостоятельную мелкую торговлю, увеличивая количество мелких торговцев до таких размеров, которые совершенно излишни с точки зрения правильного развития торговой сети, часть обслуживает торговцев покрупнее, стоя в очередях государственных и кооперативных магазинов по найму этих торговцев. Огромное количество народных средств затрачивается на этот обход «низких» цен, на прокормление за счет трудящихся этой армии паразитов, торгующих несколькими метрами ситца в день, стоящих в очередях, на подкупы и взяточничество агентов трестов, государственной и кооперативной торговли и т. п. Растет не только частный, и притом опять таки, больше всего спекулянтски-торговый и ростовщический капитал, но и непроизводительное-паразитическое потребление.

Накладки кооперации по официальным данным несколько ниже частной торговли, около 30–40%. Однако, эти более низкие накладки в значительной степени вытекают из того, что кооперация торгует менее ходким товаром в то время, как те же сорта товаров, на которые существует максимальный спрос, уплывают к частному торговцу. И здесь, помимо чрезмерных прибылей кооперации высокие накладки ведут к огромному

разбуханию ее торгового аппарата, т. е. опять-таки на прокормление непроизводительных слоев населения. В общем, на этой разнице между отпускными и розничными ценами мы потеряли в пользу частного торговца и в пользу паразитических слоев населения за один 1925–26 г. не менее миллиарда рублей, а в текущем году потеряем, по-видимому, еще больше. В общем же итоге с 1923 г. до начала текущего года эти потери выразались в сумме свыше 2-х миллиардов рублей. Если бы эта огромная сумма была использована для социалистического правительства, в частности для переоборудования промышленности, то мы на деле имели бы и снижение цен, и снижение себестоимости промышленной продукции.

3) Развитие промышленности и капитальные затраты, себестоимость.

Развитие промышленности даже с точки зрения увеличения продукции недостаточно, ибо явно не может ослабить в течение уже 3-х лет товарного голода. В отношении промышленного плана на 1926–27 г. даже ВСНХ признает, что «товарный голод еще не будет изжит». Подсчеты же контрольных цифр Госплана дают даже обострение товарного голода.

Еще хуже обстоит дело с улучшением техники промышленности, ее переоборудованием и капитальным ремонтом. Теперь же можно считать установленным, что в ряде важнейших отраслей промышленности (например, в металлической) наряду с расширением продукции происходило ухудшение состояния оборудования. (При этом хуже всего обстоит дело с техникой безопасности, благодаря чему число несчастных случаев на предприятиях непрерывно растет). Совершенно недостаточен с этой точки зрения и тот размер капитальных затрат, который предположен на будущий год. Это открыто было признано почти всеми выступавшими на февральском пленуме ЦК, а частью отмечено нашей печатью. Такая недостаточность капитальных затрат является одной из важных причин роста в 1925–26 г. себестоимости промышленной продукции, который продолжается и в настоящем году. Этот рост себестоимости с полной ясностью показывает, что та политика, которую ведет ЦК, не имеет ничего общего с политикой действительного снижения цен. При росте себестоимости никакая политика снижения цен, разумеется, немыслима.

5) Рост безработицы.

Наконец, темп расширения нашей промышленности совершенно недостаточен и с точки зрения поглощения прироста рабочей силы. Уже в прошлом году при увеличении количества рабочих подчиненной ВСНХ промышленности на 380 тыс. чел., мы получили рост безработицы на 150 тыс. чел. В этом году при предположенном увеличении количества рабочих только на 136 тыс. человек, безработица сделала огромный скачок

вверх, увеличившись за одно первое полугодие в 2,5 раза больше, чем за весь прошлый год. При таком положении так называемая «рационализация» производства (которая является суррогатом технического прогресса, ибо сводится преимущественно к увеличению интенсивности труда при отсутствии сколько-нибудь серьезных технических улучшений) имеет своим последствием расцвет рабочих. Недостаточность темпа индустриализации враждебно сталкивает интересы улучшения производства с интересами рабочих.

Политика ЦК в области промышленности настолько проникнута мелкобуржуазными уклонами, что не в состоянии разрешить не только задач строительства социализма, но даже и задачу необходимого для страны развития производительных сил.

Правильная политика индустриализации в противоположность этому должна заключаться в следующем:

1) Промышленность не может и не должна пассивно приспосабливаться к нуждам сельского хозяйства. Она должна стать определяющим фактором во всем народном хозяйстве, революционизирующим его технику, как в целом, так и в частности и в сельском хозяйстве. Открывая рынок сбыта сельскохозяйственному сырью, она должна способствовать развитию технических культур и интенсификации и индустриализации сельского хозяйства (постройка заводов по первичной обработке сырья, электрификация и пр.). Она должна, таким образом, с одной стороны, ослабить уход рабочих из деревень, а с другой — обеспечить поглощение прироста рабочей силы развитием промышленного производства.

2) Дальнейшее развитие промышленности должно опираться не на использование старого оборудования и повышение интенсивности труда, а на техническую реконструкцию.

Средства для такого развития должны и могут быть получены путем изменения политики цен. Овладеть на деле рынком и регулировать его возможно только «исходя из наличия рынка и считаясь с его законами» (резолюция декабрьской 1921 г. конференции). От безуспешных и безнадежных попыток снижения цен в порядке административного приказа необходимо перейти к гибкой политике цен, учитывающей состояние рынка как в целом, так и по каждой товарной группе. Понижение цен промышленных товаров должно являться следствием понижения их ценности (а не искусственного снижения необходимой для развития промышленности прибыли и зарплаты) и достаточного насыщения ими рынка. Политика снижения отпускных цен и «минимальных прибылей» при бестоварьи и росте себестоимости есть на деле политика высоких и повышающихся цен, ведет к огромной наживе паразитического частного капитала и должна быть решительно

отброшена. Задача регулирования рынка и цен состоит не в том, чтобы фиктивно снижать отпускные цены за счет прибыли, а в том, чтобы, используя прибыль для реконструкции нашей промышленности, провести на деле политику снижения промышленных цен и добиться действительно дешевых товаров в достаточном для насыщения рынка количестве.

Наряду с этим необходимо усилить средства на развитие промышленности за счет сокращения в бюджете расходов на административный аппарат, увеличения обложения кулака и нэпмана (при понижении налогов для бедняцкой части деревни), проведения на деле при активном участии рабочих масс режима экономии на фабриках и заводах не за счет рабочего, а за счет сокращения непроизводительных расходов. Разумеется, эти последние меры могут быть осуществлены и дать положительные результаты лишь при условии проведения рабочей демократии.

Вопросы труда.

1. Производительность труда и заработная плата.

В период дискуссии 1923 г. под впечатлением разразившихся тогда стачек в целях привлечения на свою сторону симпатий рабочих, ЦК выдвинул и закрепил в резолюциях XIII конференции и XIII Съезда «курс на подъем заработной платы в соответствии с подъемом промышленности и производительности труда». Однако, это решение, находившееся в явном противоречии с основной линией экономической политики — с умеренным ростом промышленности и проводимой ЦК политикой цен — осталось на бумаге.

Вынужденная этой политикой к снижению себестоимости, промышленность пошла по линии наименьшего сопротивления — давления на рабочего: с осени 1924 г. параллельно с развертыванием кампании о повороте «лицом к деревне», с величайшей энергией и нажимом на рабочий класс проводится кампания по поднятию производительности (на деле интенсивности) труда, не только без соответствующего повышения заработной платы, но даже с некоторым ее понижением. Политика «низких» цен, приведшая, главным образом, к наживе спекулянтов, ударила не только по темпу расширения промышленности, но и по положению рабочего. «Курс на повышение заработной платы в соответствии с подъемом промышленности и производительности труда» был выброшен за борт тотчас же, как оппозиция была подавлена.

Основным методом повышения «производительности» труда было введение неограниченной сдельщины и систематическое повышение норм выработки и понижение сдельных расценок по мере того, как производительность труда повышалась. Сплошь и рядом эти изменения норм выработки и расценок производились так, что размер

заработной платы после них резко снижался. Это неизбежно должно было приводить к конфликтам между рабочими и советским государством и подрыву авторитета последнего.

Первая кампания «по поднятию производительности труда» закончилась массовыми стачками. Они начались с января 1925 г. и весной приняли уже массовый характер. Под давлением их был объявлен весной 1925 г. «новый курс». Заработная плата к августу месяца поднялась примерно на 25%, не дойдя, однако, до довоенного уровня. Но с этого времени рост реальной заработной платы прекращается, и в настоящее время она даже ниже уровня осени 1925 г.

Несмотря на остановки роста зарплаты, нажим на интенсивность труда продолжается. Работа по нормированию сводится к тому, чтобы установить максимально возможную для наиболее сильных рабочих выработку и сделать ее обязательной для всех остальных. Браковка при сдельных работах увеличивается — без повышения или даже при понижении расценок. В результате, при заработной плате, которая даже при самых оптимистических подсчетах не выше довоенной, при оборудовании, которое хуже довоенного, выработка на рабочего значительно больше довоенной и превышает ее часто вдвое и больше. Это ведет к прямому истощению и росту инвалидности рабочих.

В общем итоге с октября 1924 г. по октябрь 1926 г. в полном противоречии с решениями XIII конференции выработка на одного рабочего поднялась на 47,5%, в то время, как дневная зарплата поднялась только на 26%, а месячная на 15%. Теперь же последнее постановление ЦК ВКП о рационализации производства официально отменяет эту резолюцию. «В тех предприятиях» — говорит это постановление — «где проведены и проводятся организационные и технические улучшения производства, необходимо производить пересмотр норм выработки и сдельных расценок в соответствии с результатом организационных и технических улучшений с тем, однако, чтобы этот пересмотр не приводил к снижению существовавшей до введения технических и организационных улучшений дневной заработной платы рабочих, а наоборот, давал возможность при повышении интенсивности труда дальнейшего роста заработной платы рабочих».

Здесь открыто устанавливается, что рабочий может получить большую зарплату лишь за большое количество труда. Увеличение же общественного богатства, получающееся благодаря развитию техники, по мнению ЦК ВКП никакого отношения к нему не имеет и ни на какую часть этого увеличения он рассчитывать не может. На словах ЦК устами теоретиков бухаринской школы утверждает, что рабочая сила перестала уже

быть товаром, а на деле устанавливает чисто капиталистический принцип оплаты рабочего.

Выпуск 40° водки больше всего ударил по рабочему. Низкая заработная плата и высокий уровень производительности труда создают особо благоприятные условия для развития алкоголизма. Прогулы резко увеличились. Рабочий не только платит «пьяный налог» в ущерб остальным своим потребностям, не только отравляет себя алкоголем, но и теряет благодаря прогулам часть своего заработка. Особенно губительно отозвалось введение водки на рабочей молодежи. Усиление бюджета идет за счет здоровья и заработка рабочего.

Низкий уровень заработной платы не дает возможности рабочему оплачивать свое жилое помещение в таком размере, который позволял бы содержать его в более или менее сносном виде. В этом одна из главных причин растущего жилищного кризиса, систематического сокращения из года в год даже жилой площади на душу рабочего населения. Постройка и содержание домов (особенно для рабочих) убыточны. Выход из этого положения пытаются найти путем ничтожных сравнительно с потребностью ассигнований на жилстроительство за счет бюджета с одной стороны, повышением квартирной платы без повышения зарплаты с другой. (Здесь же нужно отметить, что наш индекс предметов потребления рабочего не включает в себя квартплаты непрерывно повышающейся). Квартплата поэтому слишком высока по сравнению с зарплатой рабочего и ложится на него тяжелым бременем, слишком низка сравнительно с необходимыми расходами на жилое помещение и обрекает рабочего на житье в конурах. Как и по отношению к другим товарам рабочий получает здесь за «дешевую» цену негодный продукт.

2) Режим экономии и внутренний распорядок на фабрике.

«Режим экономии» также превратился в нажим на рабочего: рабочих лишают трамвайных денег, сокращают расходы на ясли и другие культурные нужды. Борьба с прогулами, которые являются в значительной степени последствием введения водки, превращается в систему карательных мер с увольнением рабочих за малейшие опоздания. Страховые кассы сокращают число оплаченных по болезни дней, отказываясь от оплаты под предлогом того, что больной, якобы, не выполняет предписаний врача, или предлагая перевести на «легкую» работу больных и потерявших трудоспособность. «Этот вид режима экономии принял в Москве эпидемический характер. Нетрудно себе представить, как «режимили» над застрахованными провинциальные кассы». («Труд» 15/III–27 г. «Экономия на застрахованных»).

Другой вид экономии — это сокращение расходов на технику безопасности. При недостаточности средств на капитальные работы расходы на технику безопасности сокращаются в первую очередь. «Число несчастных случаев на предприятиях растет. На московских заводах и фабриках, например, в 1925 году зарегистрировано 2.775 случаев, а в 1926 году уже 6.111. По данным ЦСУ в первом квартале 1925 года на 100 тысяч проработанных человеко-дней было 22 несчастных случаев с потерей работоспособности, во втором квартале 24, в третьем — 29, в четвертом — 33 и т. д. («Труд» 8–III–27 г. «Число несчастных случаев растет»).

Широко применяется несмотря на безработицу, практика сверхурочных работ — Наркомтруд весьма редко отказывает в разрешении их, а также практика найма «временных» рабочих: эти временные рабочие, поставленные в худшие условия труда сравнительно с постоянными в отношении условий увольнения и выплаты выходного пособия (предупреждение о расчете за один или три дня или выдача выходного пособия за столько же дней, вместо двух недель для постоянных рабочих) на деле отличается от них сплошь и рядом только тем, что по истечении предельного срока они рассчитываются на несколько дней, а затем вновь принимаются как временные. Это злоупотребление в значительной степени влечет за собой так называемую «текучесть» рабочей силы (по данным Наркомтруда полный средний оборот рабочей силы происходит у нас в течение 10 месяцев, т. е. число вновь принятых рабочих в течение года превышает численность рабочих), вытеснение квалифицированных рабочих неквалифицированными и понижение заработной платы. Вместо борьбы с этими злоупотреблениями СНК и ЦИК СССР увеличивают предельный срок найма временных рабочих с одного до двух месяцев, что создает еще более благоприятную почву для злоупотреблений.

В области внутреннего распорядка на фабриках все более устанавливается неограниченная власть администрации. Ей предоставлено безапелляционное право увольнения рабочих за проступки. Прием рабочих также производится самой администрацией, а роль фабзавкомов сводится только к регистрации принятых. На этой почве развивается мелкое взяточничество мастеров с рабочими. Между мастером и рабочим устанавливаются отношения дореволюционного типа.

Вместо постепенного вовлечения рабочих в управление предприятием — усиление власти администрации и механической дисциплины. Указания производственных совещаний и рабочих на безобразные подчас дефекты в постановке производства остаются без внимания, или больше того, их объявляют «бузотерством». Напротив того, хорошим мастером считается только тот, который не в ладах с профсоюзом (Речь Калинина в Бежице). Установление сдельных расценок находится всецело в руках

мастеров. Внутренний распорядок на фабрике все больше приближается к дореволюционному.

3) Профсоюзы и рабочая демократия.

Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики с исчерпывающей ясностью и полнотой были сформулированы на X и XI съездах партии. «Главным методом работы профсоюзов является не метод принуждения, а метод убеждения» — говорит пункт 6-й резолюции X съезда «о роли и задачах профсоюзов». «Методы рабочей демократии сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войны должны быть в первую очередь и шире всего восстановлены в профессиональном движении. В профессиональных союзах прежде всего необходимо восстановить широкую выборность всех органов профессионального движения и устранить методы назначенства.

Профессиональная организация должна быть построена на принципе демократического централизма. Но вместе с тем в сфере профессионального движения особенно необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма, милитаризма и милитаризованных форм работы в бюрократизм и казенщину». В дополнение к этому XI съезд партии, отметив, что перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет «неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат» установил, что «по отношению к социализированным государственным предприятиям» (не говоря уже о частных и концессионных) «на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся». (Роль и задачи профсоюзов, п. 3). Тот же Съезд признал допустимым применение стачки на государственных предприятиях с тем ограничением, что «применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях» (там же п. 4). Эти постановления, с полной отчетливостью определяющие место профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, уже давно стали забытой грамотой.

Партийные и профессиональные организации вместо борьбы против бюрократических извращений хозяйственных органов, беря на себя огульную защиту всех мероприятий хозяйственников, превращаются фактически в их агентуру. Это полное извращение партийных и профессиональных функций, оставляя рабочих без защиты, дискредитирует эти органы в их глазах, как это констатировано т. Томским в его речи на

XIV Съезде партии. Как массовое явление следует отметить безразличное, а в иных случаях и враждебное отношение рабочих к своим профсоюзным организациям. Рабочие собрания собираются вяло, иногда с помощью административного принуждения (закрытие ворот и пр.). Интерес к производственным совещаниям падает. Среди рабочих помимо профсоюзных организаций происходят сговоры о том, что не выработывать свыше установленной нормы.

В области разрешения конфликтов между хозяйственниками и рабочими союзы по-прежнему лишены возможности применять стачку на государственных предприятиях, хотя бы все другие способы были исчерпаны. Более того, в резолюции XIV Съезда о работе профсоюзов признано необходимым «распространить право перенесения конфликтов на рассмотрение государственного арбитражного суда, которое имеют профсоюзы, и на другую сторону — хозорганы». Таким образом, если раньше профсоюз мог по любому конфликту заставить хозорган подчиниться решению арбитражного суда, то теперь хозорган, независимо от согласия профсоюза может перенести дело в арбитражный суд. В результате такого положения при забастовках обычно избираются нелегальные стачечные комитеты, имеются зачатки нелегальных профсоюзов (напр. кассы взаимопомощи).

Борьба рабочих за улучшение своего положения в обстановке развивающихся противоречий совершенно неизбежная, идет помимо и против партии и профсоюзов и загоняется, таким образом, в русло контрреволюционных организаций, хорошо учитывающих важность этой политики. Отношения между профсоюзами и партией также приняли совершенно извращенный характер. Ликвидация последних остатков внутрипартийной демократии после дискуссии 1923–24 г. лишила профсоюзные органы несмотря на бесконечное число постановлений «о недопустимости мелочной опеки» полной самостоятельности и сосредоточила непосредственное управление профсоюзной работой в руках партийных органов. Подбор работников профсоюзов производится преимущественно по признаку «послушания». В результате, вместо общего руководства деятельностью профсоюзов через их фракции, партийные органы стали фактически заменять профсоюзы. Создалась последовательная цепь: бюрократизация партии — бюрократизация профсоюзов — превращение и тех и других в подсобные органы хозяйственных организаций, — создание единого фронта партийных, профессиональных и хозяйственных органов против беспартийных рабочих, — попытки среди беспартийных рабочих создавать в свою очередь единый фронт против всех этих организаций. Профсоюзы перестают быть организацией «для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» (Ленин), перестают быть школой коммунизма.

В связи с этим и организация профсоюзов все более бюрократизируется. Членство в профсоюзах становится формальным и является прежде всего средством получения работы и некоторой гарантией от увольнения в случае сокращения. Выборность профсоюзных органов также является формальной, — при сложившихся отношениях внутри партии между партией и профсоюзами и между профсоюзами и рабочей массой, руководящие члены каждой профсоюзной ячейки фактически просто назначаются. Профсоюзы страдают всеми пороками бюрократической организации, начиная от отсутствия собственного мнения у своих работников с кончая растратами.

В общем итоге в области рабочей демократии мы пятимся назад, в то время как активность непролетарских классов растет.

4. Безработица.

Недостаточность темпа индустриализации приводит все к большему росту безработицы. Общее движение ее таково:

Число зарегистрированных безработных.

	Всего.		Индустр., квалиф. полуквалиф.		Неквалиф. и чернораб (без инт. труда).		Итого индуст. и чернорабочих.		Численность рабочих, нанятых в прошлом.		
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	в %	тыс.	%	в
На 1/X-25 г.	200		14	10	485	10	698,		20		1
На 1/X-26 г.	270	16	2,2	0	589	12	772,	100	34,5	22	1
На 1/XII-26 г.	254	36	2,7	8,5	668	13	874,	123,	79,2	22	1
На 1/IV-27 г.	455	58	6,1	4,9	7,5	5		138,	85,5	12,2	

Таким образом, число безработных растет быстрее числа рабочих. При этом быстрее всего растет число индустриальных безработных. Это показывает, что дело совсем не

только в том, что деревня выбрасывает много безработных. Суть в том, что наши предприятия, пользуясь этим притоком рабочих из деревень, всякими путями начинают заменять квалифицированную рабочую силу более дешевыми рабочими, прибывающими из деревни. Только этим можно объяснить, каким образом при росте хотя и медленном рабочих число квалифицированных безработных растет быстрее неквалифицированных.

С начала текущего хозяйственного года рост безработицы резко усилился. Этот рост прямым путем связан с тем, что рост числа занятых в промышленности рабочих в этом году резко уменьшается. Уже промышленный план ВСНХ предполагает увеличение количества рабочих только на 136 тысяч человек. При этом, однако, не учитывалась «рационализация». На самом деле в течение первого полугодия число рабочих промышленности увеличилось только на 61 тысячу человек, в апреле же произошло сокращение на 33 тыс.

При такой обстановке перед хозяйственниками стал вопрос: либо отказаться от «рационализации», либо рассчитывать рабочих. На последнее они не решались. Вопрос стал настолько острым, что все прения о промплане на февральском пленуме свелись к этому вопросу о «выплывании» рабочих. ЦК, вместо того, чтобы признать промплан недостаточным и предложить пересмотреть его, прямо предписал хозяйственникам рассчитывать рабочих. «В тех случаях» — говорит постановление ЦК о рационализации производства, — «когда улучшение техники и организации производства не может сопровождаться расширением данного предприятия, или когда наличное количество рабочих превышает потребность предприятия, необходимо освобождать предприятие от излишка рабочей силы».

Вместе с тем дается предписание НКТ и НКВД разработать закон, который предусматривал бы: «введение договорных начал и пользование заводскими квартирами на срок, после истечения которого рабочие должны освобождать занимаемые ими квартиры» и «полное освобождение фабрично-заводских помещений от лиц, не работающих на данном предприятии». Наряду с этим ЦК признал необходимым «ограничить число неявок на работу без уважительных причин 3 днями в месяц».

Таким образом, перед лицом растущей безработицы ЦК думает только о том, как освободить предприятия от лишних рабочих: администрации вменяется в обязанность увольнять рабочих, не заботясь о том, что с ними будет дальше. Она имеет право выселять их из квартир, ей дается, наконец, и удобный повод для увольнения в виде трех неявок на работу без «уважительных причин». А что делать с этими «освобожденными» рабочими, на этот вопрос ЦК ответа не дает. Он ограничивается только общей фразой о том, чтобы «в плане развертывания промышленности предусматривалось такое расширение

производства, чтобы общее количество рабочих не уменьшалось, а увеличивалось». Но ведь дело не только в том, чтобы число рабочих «не уменьшалось». Дело в том, что рост свободных рабочих рук редко обгоняет рост рабочих в промышленности. И если ЦК требует только, чтобы число рабочих увеличивалось, умалчивая о том, каково должно быть это увеличение, чтобы безработица уменьшалась, то он тем самым признает, что разрешить вопрос о безработице он при своей политике не в состоянии.

В качестве паллиативной меры ЦК выдвигает только увеличение пособия увольняемым по случаю рационализации безработицы до 1,5–3 месячного оклада. Ни одного слова нет о сокращении широко применяющихся у нас сверхурочных работ, которое действительно могло бы ослабить безработицу. Ни одного слова не сказано об усилении помощи безработным, хотя безработица принимает сейчас прямо характер стихийного бедствия. Наоборот, СНК СССР публикует новые правила учета безработных, разрешающие снимать безработных с «пособия и учета на бирже за отказ без уважительных причин от предлагаемой работы, за отказ от предлагаемой подходящей работы, хотя и не по специальности, за отказ от предлагаемой работы в коллективах безработных или на общественных работах и за отказ одиноких безработных от работы в отъезд, а также за отказ от работы в отъезд малосемейных в тех случаях, когда на месте работы им предоставляется жилище». («Труд» 4/III–27 г., №52).

Итак, реальные меры, принимаемые в связи с колоссальным ростом безработицы, сводятся к тому, чтобы освободить заводы от «лишних» рабочих, сократить регистрацию безработных на бирже и сократить расходы на безработных.

Выводы.

Такое положение вещей грозит величайшими опасностями — разрывом между рабочими и советским государством. Рост антисоветских настроений среди рабочих не подлежит никакому сомнению. Изжить его мы не сможем ни агитацией, ни репрессиями. Рабочая масса только тогда может чувствовать себя не в теории, а на практике господствующим классом, если ее материальное положение улучшается, если участие ее в управлении производством и государством усиливается. Поэтому при диктатуре пролетариата вообще совершенно недопустимо отодвигание на второй план вопроса об улучшении положения рабочих, пренебрежительное отношение к так называемым «цеховым интересам» рабочего класса. Культурный, живущий в человеческих условиях рабочий является столь же необходимым условием пролетарской диктатуры, как и развитие государственной промышленности. Забвение этого влечет за собой противопоставление им себя государству, усиление влияния на него мелкобуржуазного окружения и пассивное отношение к строительству социализма. Тем более недопустимо

оно в теперешних условиях, когда благодаря политике ЦК у рабочих возникает чувство разочарования и недоверия к советской власти. Верхом бюрократического самодовольства является заявление т. Сталина на V-й конференции ВЛКСМ по поводу «рационализации», что ни один крупный шаг не обходится у нас без некоторых жертв со стороны отдельных групп рабочего класса в интересах всего класса рабочих нашей страны. «Вот почему я думаю, что мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами в интересах рабочего класса».

Объявлять незначительной жертвой увеличение безработицы на 380 тысяч человек в полугодие, считать, что такие вещи являются нормальными для страны пролетарской диктатуры, это значит оторваться от рабочих, значит требовать, чтобы рабочий нес жертвы за ошибки политики ЦК, а не во имя социалистического строительства, значит дискредитировать в глазах рабочих диктатуру пролетариата и подрывать ее основы.

Коммунистическая партия должна решительно отбросить эту гибельную политику. В противоположность ей она должна взять твердый курс на укрепление своей связи с рабочим классом и на усиление его активности, как путем улучшения его положения, так и путем действительного проведения рабочей демократии. В частности:

1) Поскольку интенсивность труда рабочего превысила уже довоенный уровень, ближайшей задачей является повышение заработной платы до таких размеров, которые превышали бы довоенную заработную плату по меньшей мере на столько же, на сколько интенсивность труда рабочего превышает довоенную интенсивность. В дальнейшем рост заработной платы должен идти по меньшей мере пропорционально росту производительности (а не только интенсивности) труда, т. е. увеличение роста общественного богатства должно сопровождаться постоянным, абсолютным и относительным улучшением положения рабочего. При этом нужно отбросить совершенно реакционное рассуждение о том, что повышение заработной платы может производиться лишь в результате повышения производительности труда. Повышение уровня жизни рабочего само является одним из важных факторов роста производительности труда и потому должно не следовать из производительности труда, а постоянно предшествовать ей.

2) Дальнейший рост производительности труда должен идти не за счет увеличения интенсивности труда, а за счет технических и организационных улучшений процесса производства при росте зарплаты. Должны быть установлены предельные нормы интенсивности труда и расценки должны устанавливаться так, чтобы для получения нормальной зарплаты рабочий не был принужден истощать себя.

3) Необходимо немедленно начать сокращать выпуск водки, особенно в городе с таким расчетом, чтобы в течение 2-х лет прекратить ее выпуск совершенно.

4) Столь же очередной задачей является улучшение жилищных условий рабочего. Рабочему должен быть обеспечен такой уровень заработной платы, чтобы он, без ущерба для остальных потребностей, был в состоянии оплачивать содержание в удовлетворительном состоянии своей квартиры. Без такого повышения зарплаты повышение квартирной платы не может иметь места. Наряду с этим необходимо обязать предприятия усилить затраты на жилищное строительство и усилить бюджетные ассигнования и кредит на жилищное строительство с таким расчетом, чтобы в течение ближайших пяти лет жилищный кризис был ликвидирован.

5) Внутренний распорядок на фабрике должен быть изменен в сторону демократизации. Должен быть твердо проведен курс на сознательную дисциплину, основанную на товарищеской спайке рабочих и администрации — высшей и низшей — на усиление участия рабочей массы в управлении производством. В этих целях:

а) при назначении директоров завода и их помощников предполагаемые высшими хозяйственными органами кандидатуры должны ставиться на обсуждение общих или цеховых собраний рабочих, которые могут выдвигать и собственные кандидатуры. Окончательное назначение может быть сделано лишь после такого обсуждения на основании учета отношения рабочих к выдвигаемой кандидатуре и предложений общих собраний;

б) при директоре завода должно быть создано постоянное совещание из высшей администрации, председателя производственного совещания и представителей рабочих, выбираемых на общих собраниях рабочих. Решения этого совещания не являются обязательными для директора, но все основные вопросы деятельности предприятия должны обсуждаться на нем, так, чтобы выборные от рабочих были вполне в курсе дел предприятия, а администрация знала отношение рабочих к проводимым мероприятиям. Та же система должна быть проведена в крупных цехах.

в) Вместо теперешней пестроты в организации производственных совещаний должна быть повсюду проведена выборность этих совещаний и подотчетность их рабочим. Работа их должна быть теснейшим образом связана с работой упомянутых выше постоянных совещаний при директоре завода.

б) Профсоюзные органы, начиная от завкома, должны быть поставлены вне зависимости от администрации и действительно защищать интересы рабочих, а не служить орудием проведения мероприятий администрации. В частности прием и увольнение рабочих, а также перевод рабочих с одной работы на другую на срок свыше 2-

х недель должен производиться через завкомы. Администрации должно быть предоставлено лишь право обжалований решений завкома в высших профсоюзных инстанциях без приостановки принятых завкомом решений.

7) Организация профсоюзов в целом должна строиться на основе подлинной рабочей демократии. Намеченные мероприятия в области рабочей политики должны предварительно обсуждаться на общих и делегатских собраниях рабочих с тем, чтобы окончательное решение принималось на основе и с учетом результатов обсуждения их в низах. На этой основе должны быть проведены действительная выборность профсоюзных организаций и подотчетность их массе членов профсоюзов.

8) В виду усиливающихся в обстановке роста классовых противоречий бюрократических извращений хозорганов и в целях превращения профсоюзов в действительные органы защиты интересов рабочего класса, профсоюзам должна быть на деле предоставлена возможность применения стачки на концессионных предприятиях, наравне с остальными частными, и, в качестве крайней меры борьбы и на государственных предприятиях. При конфликте между профсоюзами и хозяйственниками дело может быть передано в арбитражный суд лишь с согласия или по требованию профсоюзных организаций.

9) Партийные организации, руководя работой профсоюзов в целях согласования ее с общеклассовыми интересами пролетариата и контролируя с этой точки зрения их работу, должны действовать на основе предоставления коммунистическим фракциям профсоюзов достаточной степени самостоятельности. Мелочное вмешательство в их работу, приводящее на деле к замене профсоюзных организаций партийными, должно быть решительно отброшено.

В свою очередь профсоюзные организации свою работу должны строить на основе действительного участия в ней беспартийных рабочих, завоевывая их доверие и доводя до минимума методы организационного принуждения.

10) Необходимо провести решительную борьбу против нарушения со стороны хозорганов кодекса законов о труде, вести энергичную борьбу против обхода закона о нормальном рабочем дне, не допускать применения сверхурочных работ, кроме случаев крайней необходимости, не допускать злоупотреблений наймом временной рабочей силы, в частности ограничить предельный срок найма временных рабочих двумя неделями. Отменить изменения, внесенные в последние годы в кодекс законов о труде, ухудшающие положение рабочего, как-то: сокращение продолжительности отпусков на вредных работах, расширение сферы применения женского труда, сокращение брони подростков и т. п. Признать недопустимым введение бесплатного ученичества. Усилить

ответственность предприятий за несчастные случаи и установить строжайшие меры взыскания за неприятие мер по обеспечению безопасности работы.

11) Признать недопустимыми ухудшающие положение рабочих изменения коллективных договоров настоящего года по сравнению с колдоговорами прошлого года. Колдоговоры должны составляться так, чтобы не давать возможности администрации отдельных заводов и фабрик обходить их и ухудшать условия труда рабочих сравнительно с установленными в договоре.

12) Не допускать дальнейшего снижения взносов на социальное страхование и вести решительную борьбу с фактической невыплатой их, к которой прибегают некоторые хозяйственные органы. Повести энергичную борьбу против «экономии на застрахованных». Отменить широко практикующееся расходование средств страхкасс на нужды общегражданского здравоохранения («фонд I»). Усилить курортно-санаторную помощь рабочим. Ликвидировать институт так наз. «доверенных врачей» при страхкассах: врачи, определяющие право рабочего на освобождение от работы по болезни, должны быть независимыми как от фабрично-заводской администрации, так и от страховых касс. Создать через профсоюзы низовой местный контроль рабочих и служащих над деятельностью страхкасс.

13) Увеличить размер пенсий для рабочих. Исчисление пенсий должно производиться не по последнему заработку перед переходом на социальное обеспечение, а по зарплате, соответствующей его нормальной квалификации. Уравнять средний размер пенсионного пособия рабочих и служащих.

14) Вопрос о безработице в основном может быть разрешен только усилением темпа индустриализации, т. е. изменением общей экономической политики. Однако, советское государство не может не нести ответственности за рост безработицы. В виду того, что она в последнее время принимает характер общественного бедствия, необходимо:

а) отменить постановление СНК СССР от 4/III, дающее возможность под разными предлогами снимать безработных с пособия и учета на бирже труда. Установить, что условия принятия безработных на учет бирж труда впредь не должны ухудшаться;

б) взять курс на увеличение пособия безработных. Немедленно увеличить размер пособия индустриальным безработным и установить повышенный сравнительно с общим размер пособия тем безработным, которые уволены с предприятий за сокращенных рабочих;

в) в случае недостаточности для проведения этих мер установленных взносов по социальному страхованию, соответственно увеличить процент этих взносов.

Только при этом твердом курсе на улучшение положения рабочего класса и усиление его активности, партия и советское государство сможет установить через посредство профсоюзов живую связь с рабочей массой и противостоять давлению мелкобуржуазной стихии. Однако, проведение этой линии возможно лишь при условии действительной внутрипартийной демократии, без которой рабочее движение неизбежно принимает уродливые формы, ведущие или к отрыву профсоюзов от партии, или рабочей массы от профсоюзов.

ПОЛИТИКА ПАРТИИ В ДЕРЕВНЕ.

Основная линия политики партии в деревне есть «линия на уничтожение классов, а не на мелкого производителя». Если бы мы с этой коренной и основной линии сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата». (Ленин — заключительное слово на майской конференции 1921 г. РКП по вопросу о продналоге). Это значит, что наша борьба против кулака отнюдь не означает и не может означать поддержку мелкого хозяйства против крупного, укрепление бедняцких и середняцких хозяйств, как индивидуальных хозяйств: это означает борьбу против капиталистических форм крупного хозяйства, за социалистическую форму крупного хозяйства, борьбу, которую мы ведем, опираясь на враждебную кулакам бедняцкую часть деревни и устанавливая через нее смычку с середняцким крестьянством.

Разрешение этой задачи — переход к крупному социалистическому земледелию представляет собой огромные трудности. Политический союз с крестьянской беднотой является условием, без которого она не может быть разрешена. Но это не значит, что это условие является достаточным.

Мелкое крестьянское хозяйство в условиях развития его товарности (а мы, разумеется, не можем не ставить себе задачей развитие товарности сельского хозяйства) стихийно стремится развиваться по капиталистическому пути. Для того, чтобы преодолеть эту стихийную тенденцию, чтобы направить развитие сельского хозяйства по линии перехода (разумеется, очень медленного и постепенного) к социалистическим формам крупного хозяйства, необходимо не только наличие политического сочувствия низов крестьянства, но и активная экономическая политика, активная материальная помощь со стороны государственного хозяйства. Вне этого условия развитие производительных сил в деревне может идти только по линии капитализма. Более того, попытки борьбы против капиталистических элементов в деревне без материального содействия со стороны государства или при недостаточном содействии повели бы только к задержке или деградации производительных сил и к обнищанию деревни. Поэтому

«курсу на кулака» нельзя противопоставлять «курс на бедняка»: успешной борьба с кулаком может быть лишь при установлении курса на строительство крупного социалистического хозяйства в земледелии, в политическом союзе с бедняком и смычке через него с середняком.

Политика ЦК, взявшая, как мы видели выше, курс на минимальное накопление в государственном хозяйстве из страха перед деревенской мелкой буржуазией, курс на пассивное приспособление промышленности к сельскому хозяйству, разумеется, не могла даже подойти к решению этой задачи. В области деревенской политики ЦК занимает поэтому пассивную позицию и идет по линии уступок мелкой буржуазии, на деле превращающихся в уступки кулаку. В те короткие периоды, когда ЦК под давлением оппозиции должен был отступать от этой на деле кулацкой линии, его мероприятия сводились только к подачкам бедняку (бедняцкий фонды и т. п.), которые имеют так же мало общего с социалистической линией, как подача милостыни нищему.

Совершенно не случайно, что вслед за явно выраженным мелкобуржуазным уклоном в области промышленной политики увеличивается кулацкий уклон в деревенской политике. Кампания о повороте «лицом к деревне» заканчивается знаменитым выступлением т. Бухарина перед XIV конференцией: «наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство, не беспокойтесь, что вас прижмут». («Правда» 24/IV–25 г.). Эта откровенно кулацкая формулировка, которая, сколько бы ни отрекся от нее ЦК и сам Бухарин, лучше всего вскрывает, в каком направлении идет политика ЦК в деревне, была необходимым выводом из решений XIII Съезда. Раз государственное хозяйство может иметь только минимальное накопление, производительные силы сельского хозяйства могут развиваться лишь на основе кулацкого накопления.

Неспособность Центрального Комитета к проведению подлинно социалистической политики в деревне ведет к тому, что производительные силы земледелия стихийно направляются по капиталистическому руслу. Уже теперь число наемных рабочих, занятых в частнокапиталистических хозяйствах (кулацких и т. наз. производственно-мощных, зажиточных и пр.), значительно превышает число работников колхозов, совхозов и пр., а рост этих капиталистических предприятий в земледелии быстро обгоняет рост общественных форм земледелия. В то же время значительная часть этих коллективных по форме хозяйств на деле представляет собой замаскированные кулацкие хозяйства и их объединения. Рост капиталистических элементов стихийно рвет формальные ограничения

аграрного законодательства (аренда, наем рабочей силы и т. д.), это законодательство все больше и больше превращается в простую регистрацию фактов и голое юридическое оформление совершающегося капиталистического процесса (см. дискуссию вокруг проекта декрета об основных началах землепользования и землеустройства). Все больше и больше пробивает себе дорогу в аграрной политике партии тенденция снимать, ликвидировать перегородки, мешающие развитию производительных сил деревни на капиталистической основе, вместо того, чтобы активно способствовать социалистическому пути развития.

Вместо того, чтобы проводить социалистическую политику в деревне, ЦК стремится только замазывать рост капиталистического развития ее. Излюбленным приемом такого замазывания является ссылка на национализацию земли и на рост кооперации, которые, якобы, сами по себе являются незыблемыми оплотами социализма в деревне. Ни в чем другом не сказывается так ярко влияние мелкобуржуазной идеологии, как в этом стремлении заслониться от реальных сил голыми формами государственной собственности на землю или кооперативного объединения мелких производителей, независимо от содержания, которыми эти формы наполняются.

Национализация земли, даже в условиях полного своего осуществления, сама по себе никакой гарантии от капитализма не представляет, поскольку орудия земледельческого производства сосредоточены в частных руках. Наоборот, как доказал в свое время Ленин, уничтожение частной собственности на землю может при определенных условиях способствовать ускорению капиталистического развития деревни. Повернуть земледелие на социалистический путь, использовать в этом направлении национализацию земли пролетарское государство может лишь в том случае, если оно сосредоточит достаточно мощные фонды для создания обобщественного производства на обобщественной земле. Но это предполагает совершенно иную политику государственного накопления, чем та, которую фактически ведет ЦК.

То же относится и к кооперации. Для того, чтобы она сделалась формой социалистического строительства, нужно участие в ней государственного капитала, нужна теснейшая связь ее с государственным хозяйством. В противном случае, как это и происходит сейчас, крестьянская кооперация должна или влачить жалкое существование, или опираться на кулака. Совершенно, поэтому, не случайно, что руководители сельскохозяйственной кооперации являются наиболее откровенными защитниками кулацкой линии: в тех условиях, в которых приходится сейчас работать кооперации, ничего другого делать нельзя; не получая средств от государства, она может работать только при условии привлечения кулацких вкладов и вовлечения кулака в кооперацию.

Помощь, которую государство оказывает кооперации, частью имеет характер благотворительности главным образом ссуд мелкому производителю под известную гарантию со стороны кооперативного объединения этих мелких производителей. Кооперативное объединение при таких условиях является не зачатком объединенного коллективно-государственного крупного хозяйства, а аппаратом распределения ссуд и обществом поручителей перед государством за выполнение принятых по ссуде обязательств. При таких условиях эти кооперативные объединения идут по пути кредитования по преимуществу наиболее «крепких» своих членов, гарантирующих возврат ссуд, бедняков же кредитует только под давлением сверху или за счет средств так наз. «бедняцкого фонда». Линия на мелкого производителя при всех своих добрых намерениях неизбежно превращается в линию на кулака.

Нет никакого сомнения, что в последний год мы имеем ряд признаков, которые указывают на регрессивные явления, в сельском хозяйстве: 1) останавливается в росте или даже сокращается площадь посева технических культур; 2) резко увеличивается выбрасывание из деревни рабочих рук в город, — явление, которое неоспоримо показывает, что пролетаризирующиеся слои деревни все меньше могут находить себе работу в сельском хозяйстве, хотя бы и в кулацком; 3) по всем видимостям рост деревенской буржуазии идет не столько по линии образования сравнительно крупных хозяйств, сколько по линии небольших форм эксплуатации мелкого хозяйства при посредстве аренды, ростовщичества, торговли и т. п... Получается явление, совершенно аналогичное тому, которое мы имеем в городе: растущая деревенская буржуазия так же, как и городская, является паразитической буржуазией, вредной не только с точки зрения успеха социалистического строительства, но и с точки зрения развития производительных сил.

Политика ЦК в отношении промышленности привела к тому, что кулак стал необходимым для развития производительных сил в сельском хозяйстве. При этих условиях вслед за экономическими уступками кулаку ЦК не мог не пойти и по линии уступок политических.

Несмотря на то, что главным обвинением, которое ЦК выставлял против оппозиции в дискуссии 1923 г. было то, что своими требованиями внутрипартийной демократии она, будто бы, развязывает руки требованиям демократии политической, ЦК уже через полгода после XIII Съезда пошел по линии развертывания крестьянской демократии. Испуганный грузинским восстанием Пленум ЦК осенью 1924 г. провозглашает курс на «оживление» Советов в деревне. Вслед за тем [неразборчиво] против «Уроков Октября» т. Троцкого и т. н. «недооценки крестьянства» заканчивается поворотом «лицом к деревне»,

происходящим одновременно с кампанией по поднятию «производительности» труда в городе. Вступив на путь т. н. «оживления» Советов, органы советского законодательства в своих инструкциях настолько расширили избирательные права кулаков и «зажиточных», что даже сторонники ЦК, напр. т. Карпинский, не мог характеризовать их иначе, как «безудержную эволюцию в сторону буржуазной демократии, начинающуюся предоставлением прав отдельным слоям согласно земельному кодексу и кончающуюся правами для всей прогрессивной буржуазии» («Большевик», №13, 1926 г., стр. 39). Скандальные результаты перевыборов 1925–26 г. г. и резкая критика их со стороны оппозиции заставили ЦК отменить эти инструкции. Но уже на февральском Пленуме ЦК, когда стали известны только первые предварительные итоги новых перевыборов, проведенных после отмены расширительных избирательных инструкций, все цекисты выступали с заявлениями, что мы слишком взяли влево, что «ограничение прав кулака» (которое заключалось только в том, что было отменено, да и то не полностью, их расширение) бьет по «средняку» и отнимает у крестьянина стимул к улучшению своего хозяйства. Это ясно показывает, что линия осталась прежней.

Таким образом, ликвидация в 23 г. внутрипартийной, а вместе с ней и рабочей демократии, оказалась лишь предлогом к развертыванию крестьянско-кулацкой демократии. Политика ЦК не только связывает активность пролетариата, но и развязывает активность непролетарских классов.

Вместе с тем ЦК всячески замазывает действительный смысл своей политики. Для кулака изобретаются всякого рода псевдонимы вроде «зажиточного крестьянина», «производственно-мощного середняка» и т. п. Разрешение аренды и найма рабочей силы в деревне рассматривается не как уступка кулаку, а как уступка середняку и бедняку (Бухарин), делаются явно пристрастные подсчеты с преуменьшением числа кулаков и увеличением за их счет числа середняков. Это замазывание процесса классового расслоения деревни и действительного смысла таких мероприятий, как расширение найма рабочей силы и аренды, а также удлинение срока последней, ослабляет, а частью и сводит на нет работу по организации классовой борьбы бедняка и батрака против кулацко-зажиточной части деревни. Вместо линии на уничтожение классов, ЦК на деле берет линию на «примирение» классов, которая связывает активность бедноты в борьбе против кулака.

В противоположность этой по сути дела кулацкой линии и замазыванию классовых противоречий, пролетарская политика в деревне должна поставить своей основной задачей организацию базы крупного социалистического хозяйства, с одной стороны,

организацию классовой борьбы батрака и бедняка в союзе с середняком против эксплуатации их кулаком, — с другой. В этих целях:

1) Необходимо реально приступить к организации крупных государственных хозяйств, с усовершенствованной техникой производства, с наиболее благоприятной в зависимости от района комбинацией в них различных отраслей сельского хозяйства, с заводами по переработке сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья (сыроварни, сахарные заводы, заводы по первичной обработке льна и пр.). Такие хозяйства должны быть теснейшим образом связаны с бедняцкой частью деревни, как в отношении преимущественного приобретения у них нужных ему продуктов ее хозяйств, найма среди них необходимой рабочей силы, так и в отношении оказания ей прямой помощи в виде авансов, задатков, кредита и т. п. Эти мероприятия, подрывая экономическое значение кулака, должны экономически связать бедняцкое хозяйство с государственным. Как ни трудна эта задача, она должна быть поставлена и упорно и систематически проводиться в жизнь, т. к. без разрешения ее успех социалистической политики в деревне невозможен.

2) Усилить организацию коллективных хозяйств, обязательно с участием государственного капитала и обеспечения за последним достаточного влияния. Такие хозяйства должны вводить по возможности усовершенствованные способы ведения хозяйства, комбинируемого с промышленными предприятиями подсобного типа.

3) На тех же государственно-кооперативных началах должен быть построен и сельскохозяйственный кредит. Государство не может и не должно ограничиваться ролью кредитора низовых кредитных товариществ. Оно должно стать участником этих обществ, так, чтобы работы их проходили под постоянным контролем и руководством государства. Задачей таких товариществ, в которых могут участвовать только бедняки и середняки, должна являться организация кредита с целью освобождения этих слоев деревни от кабалы кулаку. Особое внимание должно быть обращено на организацию кредита натурой (хлебом в неурожайные годы, семена и т. п.), который, разумеется, не должен вырождаться в простую благотворительность. Объединяя бедноту и середняцкие слои деревни на почве борьбы с кулацкой кабалой, эти организации должны, вместе с тем, путем ряда внимательно придуманных мер готовить своих членов к переходу на государственно-коллективную организацию хозяйства, в частности, содействовать путем кредита организации предприятий (мельниц, крупорушек и т. п.), принадлежащих уже не отдельным хозяйствам, а кооперативным объединениям в целом.

4) Провести соответственную организацию и в сельскохозяйственных кооперативах также с участием только бедняков и середняков, и также с участием и под контролем

государственного капитала. Сельскохозяйственная кооперация, организуя своих членов, на почве сбытовых и закупочных операций должна также вести свою работу под углом зрения постепенного перехода их на коллективное ведение хозяйства, указанного выше типа.

5) Создать на деле государственный хлебный фонд, который должен иметь своим назначением не только регулирование потребительского рынка, но и служить страховым фондом для бедняцких и середняцких слоев на случай стихийных бедствий.

6) Решительно отказаться от вовлечения в кооперацию кулацких элементов. Поскольку дело идет о привлечении имеющихся у кулацкой верхушки средств в порядке кредита это должно производиться путем развития сети сберегательных касс, государственных займов, приспособленных для мелкого держателя, но ни в коем случае путем окулачивания кооперации.

7) Постепенно, по мере улучшения системы и техники взимания налогов в деревне, провести усиление налогового обложения кулацкой верхушки. Немедленно освободить от сельскохозяйственного налога деревенские низы не менее 50% всех хозяйств. Воспретить продажу за недоимки сельскохозяйственного инвентаря и необходимых предметов домашнего обихода.

8) Поскольку классовое расслоение деревни является фактом, и поскольку такое расслоение будет продолжаться и дальше, пока не окрепнут на основе вышеизложенных мероприятий социалистические элементы в сельском хозяйстве, партия не может и не должна замазывать степени этого расслоения. Напротив, ее прямой задачей является организация экономической и политической борьбы батраков и середняков против деревенской буржуазии при содействии государства. В этих целях должна быть разработана система законодательства по охране труда в деревне и против кабальных форм эксплуатации («аренда» кулаком земли у бедняка, «наем» бедняком для обработки своей земли у кулака с лошадей и инвентарем и т. п.), на почве которой партия и профсоюзы должны развернуть возможно шире свою работу по организации бедняков и батраков. В частности, необходимо восстановить фактически отмененное обязательное заключение и регистрацию в сельсоветах трудовых договоров с сельскохозяйственными рабочими при участии профсоюзов и установить контроль местных советов над выполнением условий этих договоров хозяйствами.

Само собой разумеется, что указанные мероприятия, требующие значительного усиления средств, отпускаемых государством на сельское хозяйство, возможно провести только при условии отказа от линии минимального накопления в государственном

хозяйстве и только при условии перехода на линию действительной индустриализации страны.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Задача пролетариата в социалистической революции по отношению к государству формулирована Марксом так: «все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее». «Этот вывод, — подчеркивает Ленин в своем «Государство и Революция», — есть главное, основное в учении марксизма о государстве».

«Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной; что если этот класс не хочет потерять только что завоеванное государство, он должен устранить весь старый направлявшийся до сих пор против него самый механизм угнетения». (Предисловие Энгельса к «Гражданской войне»).

С этого и начал пролетариат в Октябрьскую революцию. Он разрушил старые министерства и аппараты земств и городов, заменив их советами, царскую армию — рабочей красной гвардией, а затем красной армией трудящихся, создав для охраны революции ВЧК. Только благодаря этой ломке старых учреждений победивший пролетариат мог устоять против натиска контрреволюции.

Государство есть буржуазное учреждение, и таким по учению Маркса и Энгельса оно остается даже в первой фазе коммунизма. «Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии». (Ленин «Государство и Революция», гл. V, разд. 4). Не в бровь, а в глаз некоторым современным теоретикам Ленин добавляет к этому: «Это может показаться парадоксом или диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание». Поэтому, во-первых, «освобождение угнетенного класса невозможно без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан». (Ленин «Государство и Революция», гл. I, разд. 1), а во-вторых, вместо этого старого аппарата «пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать». (Там же, гл. 2).

Пролетариату неизбежно придется так же, как и в Парижской Коммуне, немедленно урезать насколько возможно худшие стороны этого зла, пока новое поколение, выросшее в новом свободном общественном строе, окажется в силах отделаться от всего хлама, каких бы то ни было государственных учреждений (Предисловие Энгельса к «Гражданской войне»). Государство должно быть организовано так, чтобы будучи

орудием подавления эксплуататоров его органы не могли превратиться, как это свойственно органам обычного государства «из слуг общества в господ над ним». Таким государством может быть «не государство чиновников, а государство вооруженных рабочих». (Ленин «Государство и Революция» гл. 5, разд. 4). «Гарантией против превращения рабочих и служащих, работающих в государственном аппарате в бюрократов, является: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время, 2) плата не ниже платы рабочего, 3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились «бюрократами», и чтобы никто поэтому не мог стать бюрократом». (Там же гл. 6, разд. 2).

Таков основной подход коммунистов к вопросу о государстве. Программа партии, принятая на VIII Съезде, отмечая, что «недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечения самого развитого слоя городских рабочих на военную работу, привело к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя», — тут же выдвигает «для полного преодоления этого зла следующие меры:

1. Обязательное привлечение каждого члена Совета к исполнению определенной работы по управлению государством.
2. Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.
3. Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством».

На деле не только в период гражданской войны, отвлекшей лучшие силы пролетариата на военную работу, но и после ее окончания эта программа постепенного приближения к типу государства-коммуны — не выполняется. Наоборот, как раз после окончания гражданской войны бюрократизация советского государства чудовищно растет.

Вместо выборности сменяемости во всякое время всех служащих государственного аппарата, в котором Энгельс видел способ «обезопасить себя со стороны собственных служащих и уполномоченных», теперь ставится ставка на грамотного чиновника. Предвыборные и выборные собрания на политически действенных превращаются в избирательные процедуры, лишены какого бы то ни было политического содержания, где рабочие под угрозой «оргвыводов» голосуют за кандидатов, выставленных сверху. Оппозиционных членов партии в советы не допускают, хотя бы они и пользовались

популярностью среди рабочих. При таких условиях право отзыва своих депутатов для избирателей не существует. Наоборот, это право отзыва становится орудием, пользуясь которым, партаппарат устраняет «непокорных». Депутаты перед избирателями ответственности не несут, не отвечают также и исполкомы перед Советами. Самые сроки созыва съездов Советов все больше удлиняются. Отчеты депутатов и исполкомов перед избирателями принимают форму проповеди, не подлежащей критике. Революционное содержание советской конституции этим все более выхолащивается. Широки массы рабочего класса не только оказались оттертыми бюрократией от непосредственного управления советским государством, но и лишились возможности на деле пользоваться завоеванной в октябрьскую революцию рабочей демократией. При таких условиях рабочий избиратель к выборам относится формально, как к отбытию трудовой повинности. Авторитет Советов в глазах рабочих масс уменьшается. Рабочая масса от выборов уклоняется. Ее приходится на выборных собраниях задерживать искусственно (запирать ворота и т. п.). Привлечение массы к управлению государством сводится только к т. н. «выдвиженчеству». Эти выдвиженчества чаще всего являются либо подкупом высокими ставками и привилегиями, либо способом «задвинуть» неугодных партаппарату на предприятия рабочих подальше от масс. Благодаря такой практике органы диктатуры пролетариата превращаются в своего рода парламентские голосующие механизмы, а их аппараты в огромные бюрократические машины, разбухшие в значительной мере за счет чиновников «старого аппарата» (Ленин). Эти аппараты ложатся тяжелым бременем на плечи рабочего класса в противоположность Парижской Коммуне, разрешившей «загадку дешевого правительства» (Маркс).

Значение огромной армии бюрократического чиновничества все растет. Несменяемая, не ответственная перед рабочим классом, имея в своих руках распоряжение обобщественными средствами производства и аппараты принуждения, эта армия становится экономически и политически сильной и заинтересованной в сохранении бюрократизма и его усилении. Она все более превращается в своеобразную самостоятельную социальную прослойку.

Даже деятельность ГПУ, преемницы ВЧК, на которую в борьбе с контрреволюцией выпала одна из решающих задач, и которая эту задачу блестяще выполнила, теперь, в обстановке общей бюрократизации, также все более сбивается с пути обороны пролетарской революции. Вместо борьбы с политической и экономической контрреволюцией ее деятельность все более начинает направляться на борьбу с законным недовольством рабочих, вызываемым бюрократическими и мелкобуржуазными извращениями и даже с внутрипартийной оппозицией.

Особенно опасное положение создается в Красной Армии. Командный состав ее вопреки требованиям партийной программы о необходимости «классового сплочения» и «возможно тесной связи военных формирований с фабриками и заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты» и комплектования «командного состава, на первых порах хотя бы низшего из среды сознательных рабочих и крестьян» — в значительной степени сформирован из старых офицеров и кулацких элементов крестьянства. Ограничение участия в армии нетрудовых элементов все более отменяется. В терчастях, особенно конных, преобладает зажиточное крестьянство на низших командных должностях, главным образом, кулачество. Что касается партийцев краскомов, то на них не может не отражаться бюрократизация партии и ослабление ее связей с рабочими. Влияние пролетариата в армии ослабевает. При таких условиях Красная Армия грозит превратиться в удобное орудие для авантюры бонапартистского пошиба.

В 1920 г. Ленин определял советское государство так: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (Ленин — «Кризис партии»). А в 1923 г. он писал: «наш госаппарат за исключением НКПрода в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого аппарата» (Ленин — «Как нам реорганизовать Рабкрин»).

За последние три года неправильной политики ЦК, отрицательные стороны в аппарате во много раз увеличились, влияние мелкой буржуазии увеличилось, кулак получил политические права (доступы в советы). Теперь «бюрократические извращения» зашли настолько далеко, что в них уже явно ощущаются элементы мелкобуржуазного перерождения.

«В чем состояла до сих пор характерная особенность государства. Простым разделением труда общество создало себе особые органы для защиты интересов. Но со временем эти органы, и первый среди них — государственная власть, служа своим частным

[страница отсутствует]

...программе партии. Необходимо провести решительную борьбу против выборов в советы советских сановников, получающих звание членов Советов, как почетный титул.

5) Провести решительное сокращение советского административного аппарата в плановом порядке, примерно на 50% в 2 года. Установить уголовную ответственность за нарушение плана сокращения.

6) Взять курс на уравнивание материального положения государственных служащих с рабочими, проведя на деле лозунг: зарплата ответственным работникам не должна превышать зарплату рабочего. Уничтожить все особые материальные привилегии служащих и ответственных работников. Упразднить «резервные» специальные фонды, идущие на привилегии бюрократии.

7) Оставаясь на точке зрения необходимости использования в Красной Армии военспецов старой армии, новое комплектование комсостава необходимо производить исключительно из трудовых элементов и преимущественно из рабочих. Ни в коем случае не допускать на командные должности, хотя бы и низшие, нетрудовые элементы.

Само собой разумеется, что намеченная в этих мероприятиях линия установления советской демократии может укрепить диктатуру пролетариата лишь под руководством коммунистической партии, в которой в свою очередь должен быть восстановлен режим внутрипартийной демократии.

Партия.

В области внутрипартийного строительства политика ЦК после смерти Ленина сводилась к непрерывной бюрократизации партии. Наряду с этим идет быстрый процесс перерождения ее верхушки.

Этому процессу перерождения верхушки партии и бюрократизации партийного аппарата способствовали те трудные условия, в которые была поставлена русская революция задержкой мировой революции. Тяжелая гражданская война и интервенция истощили силы пролетариата. Лучшие его элементы отвлекались на фронт. Пролетарский тыл слабел. В то же время, в тяжелой обстановке гражданской войны, происходила «милитаризация партии», резкое усиление методов командования и назначенства. Все это к концу гражданской войны привело к значительному накоплению внутри партии элементов бюрократизма.

Окончание гражданской войны и переход на мирное строительство делали возможной и настоятельно требовали от партии ликвидации этого бюрократизма. Одновременно с этим с очевидностью выяснилось, что прямой путь к социализму, которым мы пытались идти во время гражданской войны, при задержке мировой революции для нас невозможен. Крестьянство, которое мирилось с политикой военного коммунизма в период гражданской войны, заявило против него решительный протест немедленно после ее окончания в форме крестьянских восстаний и Кронштадтского

восстания. Объективная обстановка требовала под угрозой потери власти пролетариатом, перейти с прямого пути к социализму на путь обходный, на путь нэпа.

Переход к нэпу неизбежно означал легальное развитие капиталистических тенденций и усиление повседневного давления на советскую власть непролетарских классов: «когда мы изменили свою экономическую политику — писал Ленин — опасность стала еще большей, потому что, состоя из огромного количества хозяйственных, обыденных мелочей, к которым обычно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным приемам ее преодоления. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений в области торговли — это и есть та опасность, которая свойственна нашему теперешнему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно». (Ленин, речь на Московской Губпартконференции 1921 г.). Новая экономическая политика ставила вопрос «кто кого» не в прямой вооруженной схватке, а в повседневной борьбе за социалистическое строительство. Опасность контрреволюционного насильственного переворота сменилась опасностью перерождения диктатуры пролетариата. Вопрос стал о том, окажется ли нэп обходным путем к социализму или превратится в прямой путь к капитализму, как на это рассчитывает с момента перехода к нему сменовеховская интеллигенция во главе с Устряловым.

Разрешение этого вопроса в пользу победы социализма требовало величайшей активности рабочего класса под руководством партии. Партия должна была теснейшим образом спаять себя с ним, организовать его постоянную, повседневную борьбу против капитализма и против бюрократических извращений советского государственного аппарата, под давлением капиталистических элементов. Именно поэтому X съезд, признавший необходимым переход к нэпу, основную задачу партийного строительства формулировал так: «нужно вновь собрать партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды. Нужно сблизить верхи и низы, военных работников и гражданских, профессионалов и советских, старых и новых членов партии, «молодых» и «стариков». Без решения этой основной задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда».

«Эта задача — продолжает резолюция — не может быть решена при сохранении старой организационной формы. Очередные потребности момента требуют новой организационной оболочки: такой формой является форма рабочей демократии. Курс на

рабочую демократию должен быть взят с такой решительностью и так же проводиться в жизнь, как в прошлый период проводился курс на «милитаризацию партии» (Резолюция X съезда по отчету ЦК п. п. 15 и 16).

«Под рабочей внутривнутрипартийной демократией — говорится далее — разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех этих вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве; рабочая демократия исключает всякое назначенство, как систему, и находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений сверху донизу, в их подотчетности, подконтрольности и т. д. Методами работы являются, прежде всего, методы широкого обсуждения всех вопросов, дискуссия по ним с полной свободой внутривнутрипартийной критики, методы коллективной выработки общепартийных решений».

Этой правильно намеченной линии не суждено было осуществиться. Пролетариат тогда еще недостаточно окреп, а во время болезни и после смерти Ленина группа членов ЦК, в руки которой попало руководство партией, смотрела на это руководство, как на свою монополию. Стремясь во что бы то ни стало удержать эту монополию и, в то же время, не обладая для этого достаточным авторитетом, это т. н. «Ленинское ядро» (впоследствии расколовшееся) вместо курса на сплочение партии с пролетариатом на основе рабочей демократии, которое одно могло создать отпор враждебным классовым влияниям и решить вопрос — «кто кого» в нашу пользу, взяло курс на командование партией.

Временное отступление от демократических методов руководства партией она не только превратила в нормальный партийный режим, но и довела его до таких чудовищных пределов, до каких еще никогда не доходило даже в наиболее опасные для диктатуры пролетариата моменты. В прямом противоречии с постановлениями X съезда в партии был установлен режим неслыханного до сих пор зажима, преследования всякой критики действия ЦК, не только коллективной, но и индивидуальной и всякой инициативы, поскольку она не исходит от руководящей группы ЦК.

Благодаря этому к концу 1923 года партия дошла до такого состояния, что рабочие стачки, вспыхнувшие в это время, оказались для нее полной неожиданностью. В результате этих стачек и экономического кризиса недовольство партийных масс вылилось в дискуссию. Давление широких масс партии было настолько сильно, что верхушка партии была вынуждена пойти на уступки. Но, провозгласив на словах внутривнутрипартийную демократию (резолюция 5 декабря), она немедленно же начала ожесточеннейшую борьбу

за сохранение во что бы то ни стало своего руководящего положения в партии, пустив в ход все средства вплоть до подтасовки резолюций партийных организаций. Несмотря на то, что большинство партии было против нее, партийной верхушке не удалось, опираясь против партии на партийный аппарат, одержать победу, подавить пролетарскую часть партии и объявить ее «мелкобуржуазным уклоном».

Стремясь закрепить одержанную на XIII конференции против большинства партии победу и «подготовить» соответствующий партийный съезд, верхушка партии чуть ли не накануне съезда объявила «чистку» партии. Под лозунгом сохранения классовой чистоты партии, из нее выбрасывались действительно пролетарские элементы, бывшие в оппозиции. Для прикрытия этих расправ из партии удаляли, правда, частью и действительных шкурников, зато оставались неприкосновенными оппортунисты, «ленинцы вчерашнего дня», обывательские элементы, которые из боязни за свои места всегда готовы поддерживать господствующую группу.

В рабочих ячейках была развернута система переводов, под видом выдвижения, на место с повышенной оплатой — с одной стороны, и система репрессий в виде переводов в низшую категорию или просто увольнений, — с другой. Создался кадр безработных оппозиционеров. В этой атмосфере репрессий наступил «штиль» и «заговор молчания», во много раз худший чем до дискуссии 1923 года. Прошла волна самоубийств (Лутовинов, Бош, Зайдлер и др.). Недовольство было загнано вовнутрь. Созванный в такой обстановке XIII съезд принял единогласно все резолюции, предложенные руководящей группой, которая объявила это победой ленинизма и укреплением единства партии.

Эта победа была закреплена во время т. н. «литературной дискуссии» по поводу «Уроков октября» т. Троцкого в 1924 году. Давление партийного аппарата и угрозы репрессий настолько сильны, что впервые в истории партии члены партии «голосовали пятками» — уходили с собраний. Немногие воздерживались, лишь единицы голосовали против и никто не осмеливался выступить. Члены партии впервые приучились не говорить того, что они думают и даже голосовать не за то, в чем они убеждены. Развращающее влияние на партию этой «дискуссии» было огромно. Партийная масса была приведена в состояние деморализации и пассивность. Установилось самодержавие партийного аппарата.

Партийные комитеты окончательно перестали быть исполнителями воли партийных масс. Наоборот, партийные массы стали орудием в руках комитетов. Ярче всего это сказалось накануне XIV партийного съезда, когда конференции двух крупнейших пролетарских организаций — Московской и Ленинградской единогласно высказались — Ленинградская за позицию т. Зиновьева, а Московская за позицию т. Сталина.

Одновременно с этим и в самых парткомитетах власть переходит в руки фактически назначенных сверху секретарей. Партийные комитеты на деле оказались подчиненными секретарям так же, как партийная масса подчинена комитетам.

Эта участь постигла и высший партийный исполнительный орган — ЦК. Начиная с 1923 г. фактическое руководство партией переходит из рук Политбюро в руки Секретариата во главе с Генсе

[страница отсутствует]

В такой обстановке объединенной оппозицией была сделана попытка начать дискуссию осенью 1926 года. ЦК, используя все те организационные преимущества, которые он имел, благодаря этой новой организации партии, исключавшей возможность быстрого развязывания активности партийной массы, не постеснялся прибегнуть к грубо насильственным методам борьбы к формальному запрещению дискуссии, исключениям из партии, угрозам увольнения с работы и применению прямой обструкции. Одержав этими методами победы, он отложил партийный съезд на год и закрепил свою победу на XV конференции фактическим запрещением дискуссии навсегда. Постановлением конференции был, таким образом, запрещен тот метод партийной работы, который X съезд под руководством Ленина признал основным.

Задача собирания «разбитой на отдельные отряды» во время гражданской войны партии, осталась, таким образом, неосуществленной. Партия сейчас более, чем когда бы то ни было разбита на отдельные отряды и резче, чем когда-либо раньше, делится на «верхи», тесно связанные с государственным аппаратом, и «низы», не обладающие почти никакими партийными правами. Более того, при обострении противоречий внутри государственного хозяйства, эти «низы» не только подчинены верхам, по партийной линии, но и находятся от них в прямой экономической зависимости (партиец рабочий и партиец администратор).

Наряду с этим, разница в материальном положении «верхов» и «низов» все усиливается. В партии создаются группы, различные не только по своим взглядам, но и по своему материальному положению и интересам.

По мере подавления активности пролетарских масс партии «верхи», не чувствуя над собой их контроля, начинают разлагаться. Привычки и наклонности, присущие буржуазии, начинают все более проникать в их среду: карьеризм, протекционизм, интриганство и даже уголовные преступления развиваются с угрожающей быстротой.

С другой стороны, в среду этих верхов быстро вливаются колеблющиеся, половинчатые, а то и просто шкурные элементы, привлекаемые в партию высокими постами и привилегированным положением. При недостатке работников, созданным

устранением от ответственной работы всех тех, кто не согласен слепо слушаться приказаний сверху, ЦК эти половинчатые и ажурные элементы все более начинает выдвигать на руководящие посты: Рафес, бывший член Петлюровского правительства и печатно одобрявший покушение на Ленина в 1918 году, и Мартынов, примирившийся с советской властью только после нэпа, играют крупнейшую роль в Коминтерне. Лядов, который летом 1917 года клялся меньшевикам, что он уже давно порвал всякие связи с большевиками и просил Чхеидзе принять его в меньшевистскую организацию на платную работу, воспитывает коммунистическое студенчество в Свердловском университете. Петровский (Липец), бывший бундовец, представляет Коминтерн в английском рабочем движении. Бройдо, бывший меньшевик, заведует Госиздатом, и даже ЦКК, несмотря на его грязные дела, граничащие с преступлением, бессильна перед ним. Список подобных «выдвиженцев» может быть без труда продолжен. «В ряды единственной легальной партии устремились, ища приложения своих сил, такие группы и слои, которые при иных условиях находились бы не в рядах коммунистической партии, в рядах социал-демократов или другой разновидности мелкобуржуазного социализма. Эти элементы, иногда искренне считающие себя коммунистическими, на деле не совлекли с себя «ветхого Адама» мелкобуржуазности и приносят в РКП свою мелкобуржуазную психологию и навыки мысли». (Резолюция XI съезда партии). Теперь именно из рядов этих выходцев из мелкобуржуазных партий ЦК вербует своих наиболее верных «стоцентных» сторонников. Это мелкобуржуазное окружение разлагающим образом действует на старые большевистские

[страница отсутствует]

ее самостоятельности, о восстановлении живой связи ее с рабочим классом. В этих целях необходимо:

1. Восстановить полностью режим внутрипартийной рабочей демократии, как это было намечено X съездом партии. Партия, загнанная в подполье настолько, что даже сторонники ЦК собираются и обсуждают свои дела вне обычных партийных собраний, тайно от мелких членов партии, нелегально, — должна быть легализована.

2. Подчинить должностных лиц партии партийной организации. В этих целях уничтожить материальную зависимость их как от вышестоящих парторганов, так и от советских и хозяйственных органов. Оплата должностных лиц должна производиться за счет членских взносов. Практика каких-либо привилегий, в частности выдача негласных пособий, должна быть уничтожена.

3. В интересах борьбы против бюрократизма, шкурничества, карьеризма и против непомерного разбухания партаппаратов отпускаемые из государственных и местных

бюджетов средства на содержание партаппаратов на первое время сократить примерно наполовину, а затем прекратить их отпуск совершенно.

4. Обеспечить всем партийным организациям и членам партии право постановки и обсуждения внутри партии устно и печатно, как в одиночку, так и коллективно всех вопросов партийного, советского, профессионального, хозяйственного и кооперативного строительства, деятельности Коминтерна, положения в отдельных его секциях и т. п. Всякие репрессии, применяемые против выступающих членов партии, должны караться, как преступление против партии.

5. Предоставить членам партии право распространять свои рукописи среди членов партии, если почему-либо их окажется невозможным поместить в партийной прессе.

6. Пересмотреть устав партии и отменить все принятые за последние годы постановления, которые искажают принципы внутрипартийной демократии и вдут к уничтожению выборности парторганов и обезличению их и всей партии, частности:

а) Восстановить полностью и безоговорочно выборность всех парторганов снизу доверху;

б) Отменить утверждение секретарей бюро ячеек и других парторганов и лиц вышестоящими комитетами (в том числе и Центр. Комитетом);

в) Восстановить старую большевистскую традицию, что каждый член партии имеет право присутствовать на любом общем собрании членов партии (ячейковых, групповых и пр.), хотя бы он и не состоял членом данной организации и пользоваться там правом совещательного голоса.

7. Отменить так называемые «чистки партии», превратившиеся на деле в орудие фракционной борьбы и личной склоки. Очищение партии от чуждых элементов вполне может быть обеспечено путем установления на деле режима внутрипартийной демократии и свободного обсуждения поведения членов партии независимо от их положения.

8. Вся деятельность ЦКК является чудовищным извращением того, что предлагал Ленин в своих последних статьях: вместо того, чтобы «внимательно следить за всеми обстоятельствами, из которых может вытечь раскол», вместо того, чтобы «составить сплоченную группу, которая невзирая на лица должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» (Ленин, «Как нам реорганизовать Рабкрин»), она стала на деле орудием Политбюро для расправы с оппозицией, подсобным органом фракционной борьбы. Нужно в корне изменить деятельность Контрольных комиссий, сделать их на деле орудием контроля рабочих партийцев над деятельностью партийного и государственного аппарата. Состав их должен

быть в корне обновлен. Основное ядро их должны составлять рабочие от станка, периодически сменяемые во избежание отрыва от масс. ЦКК должна сделаться на деле органом, охраняющим единство партии от опасностей «влияний чисто личных и случайных обстоятельств» (Ленин, там же).

9. Ликвидировать институт так называемых партинформаторов, негласно посылаемых парткомитетами на партийные собрания — не в целях участия в их работах, а в целях слежки за выступлениями членов партии и сообщения парткомитету о «неблагонадежных».

10. Отменить все репрессии, наложенные на членов партии по обвинениям в оппозиционности и прекратить в дальнейшем практику подобных репрессий, в явном или скрытом виде: «переброски», увольнения с работы, запрещение работать в той или иной отрасли партийной работы и т. п.

11. Установить, что окончательной инстанцией для разрешения дел об исключении из партии за внутрипартийные разногласия и так называемую «фракционную работу» является только съезд. Решения об исключении по этим делам всех остальных инстанций являются лишь предварительными. Члены партии, обжаловавшие эти решения, сохраняют все свои партийные права, впредь до решения съезда.

12. Восстановить в правах членов партии всех товарищей, исключенных из нее за оппозиционную деятельность.

Политика Коминтерна.

ВКП (б) сыграла всемирно-историческую роль в революционном движении пролетариата, прежде всего, как партия, подготовившая и совершившая октябрьский переворот, во-вторых, как партия, по инициативе которой создался и организовался Коминтерн, и в-третьих, как партия, накопившая громадный исторический опыт, как в периоды открытой революционной борьбы 1905 и 1917 г. г. , так и в периоды реакции в тяжелых условиях подпольной работы. Все это обеспечило ВКП руководящую роль в Коминтерне.

Но именно поэтому сползание с пролетарских позиций в вопросах внутренней политики не могло не сопровождаться оппортунистическими извращениями руководства Коминтерном, а эти извращения сказывались самым тяжким образом на росте коммунистических секций Коминтерна и на мировом рабочем движении.

Политика Коминтерна без Ленина в первое время характеризуется прежде всего распространением на секции Коминтерна того режима, который установился в ВКП. Вместо того, чтобы умело подбирать в молодые еще коммунистические партии Запада все те элементы, которые являются подлинно революционными и воспитывать их в духе

пролетарского коммунизма, как это делал Ленин, от коммунистов Запада стали требовать, прежде всего, безусловного послушания. Целый ряд действительно революционных элементов был этим насильственно отброшен от коммунистического движения, и наоборот, в нем были выдвинуты на руководящие роли люди, которые кроме послушания ничего за собой не имели.

Руководство коммунистическими партиями с этого времени вырождается в командование верхушки ВКП над заграничными секциями Коминтерна, в то время, как партийные массы очень мало осведомлены и даже искусственно устраняются от вопросов мирового движения пролетариата. Заграничные делегации все больше отстранялись от руководства Коминтерном. Тем самым политика ЦК ВКП внутри страны освободилась от контроля Коминтерна и пролетарские партии Запада не могли уже оказывать на нее влияния в смысле противодействия мелкобуржуазным шатаниям внутри ее, которые, естественно, усилились с развертыванием нэпа. Наоборот, ЦК ВКП получил неограниченное право вмешательства в каждую самую пустяковую склоку внутри той или другой заграничной секции. Таким образом, мелкобуржуазные извращения в политике ЦК ВКП не только не получили отпора в Коминтерне, но по мере своего усиления, все более извращали революционную тактику заграничных секций.

Первое время это вырождение руководства в командование имело лишь то отрицательное значение, что оно ослабляло революционное воспитание молодых коммунистических партий Запада. Новый этап начался с дискуссии 1923 г. При трудностях борьбы с оппозицией внутри СССР, ЦК понадобилось продемонстрировать поддержку ему со стороны Коминтерна. Начинается смена руководителей коммунистических партий под углом зрения их готовности поддержать ЦК против оппозиции. Подбор руководства секциями Коминтерна производится не с точки зрения интересов международного движения, а с точки зрения внутренней борьбы в ВКП. Такие методы, с тех пор еще усилившиеся, привели к целому ряду расколов и отходов, к большой потере членов в крупнейших секциях, к ослаблению авторитета коммунистических секций в глазах широких масс рабочих, и к потере миллионов избирателей. Но теперь они осложняются новыми извращениями теснейшим образом связанными с дальнейшим отходом от пролетарской линии, с национальной ограниченностью политики ЦК. Эти новые извращения ярко проявились в политике по отношению к англо-русскому комитету и в руководстве китайской революцией.

Сохранение англо-русского комитета сторонники ЦК оправдывают тем, что это сохранение, якобы, вытекает из «тактики единого фронта». Но смысл тактики единого фронта заключался в том, чтобы до тех пор, пока оппортунистические вожди рабочего

движения еще прикрывают свою измену рабочему классу отставанием частных требований рабочих поддерживать эти требования, критикуя вместе с тем оппортунизм вождей и указывая на недостаточность этих требований и на необходимость перехода к революционным методам борьбы. Зато в тот момент, когда во время крупных событий оппортунисты явно изменяют пролетариату, решительно рвать с ними, решительно разоблачать их непригодность, как вождей, и отвоевывать от них массу.

С этой точки зрения образование англо-русского комитета и участие в нем вплоть до измены генсовета в мае 1926 г. было правильно и необходимо. Но никакими ухищрениями нельзя обосновать, почему после прямого предательства генсовета, после прямого сговора его с буржуазией в момент всеобщей стачки мы должны сидеть рядом с этими предателями, обсуждать с ними практические вопросы рабочего движения, демонстрируя этим перед массами, что от этих предателей и теперь можно ожидать какого-то добра. Нелепость этой тактики ярче всего выразилась в том, что когда ВЦСПС, сохраняя англо-русский комитет, попытался провести разоблачительную кампанию против вождей генсовета, то эта кампания скандальнейшим образом провалилась: поставленная сохранением англо-русского комитета в самое двусмысленное положение, английская коммунистическая партия не решилась даже опубликовать воззвание ВЦСПС, разоблачающее генсовет.

Сохранение англо-русского комитета было, таким образом, уже тогда вопиющим оппортунистическим тактики единого фронта переходом на соглашательские позиции социал-предателей. Но на берлинском совещании англо-русского комитета в апреле 1927 г. делегация ВЦСПС пошла по пути прямого оправдания предательства Генсовета и соглашения с верхушкой английских профсоюзов, в ущерб единству рабочих масс снизу.

Это совещание констатировало, что англо-русская профсоюзная конференция в апреле 1925 г. «своевременно предупредила рабочих всего мира о том, что близится наступление на их заработную плату и на условия труда... Наступление на британских горняков, усиление эксплуатации, снижение заработной платы и удлинение рабочего дня для рабочих Европы показывает, что это предупреждение было своевременным и правильным». С согласия делегации коммунистических союзов, таким образом, объявлено, что социал-предатели будто бы «правильно и своевременно предупреждали» рабочих об опасности наступления капиталистов. А о том, что в момент этого наступления генсовет вступил в прямую сделку с буржуазией, сорвал всеобщую стачку и дезорганизовал всеми способами стачку горняков не упомянуто ни одним словом. Своим авторитетом делегация ВЦСПС здесь прямо прикрывает преступление предателей английской стачки.

«Единственными представителями международного и национального единства профессионального движения Великобритании является конгресс британских тред-юнионов и его генеральный совет», провозглашает эта же резолюция. ВЦСПС таким образом признает, что единственными представителями профессионально организованных рабочих Англии являются предатели пролетариата, при содействии которых даже экономические требования горняков были отвергнуты буржуазией. Это значит, далее, что все сношения русских профсоюзов с английскими могут происходить только через генсовет и что всякая помощь английским рабочим с нашей стороны может быть произведена только с согласия этого генсовета, который во время всеобщей стачки отказался принять «проклятые русские деньги».

«Братский союз между профдвижением обеих стран, — поясняет далее резолюция, — ни в какой степени не может и не должен стеснять их (Генсовет или ВЦСПС) деятельность во внутренней работе или допускать вмешательство одной стороны во внутренние дела другой...» Этим открыто декларируется, что предательство английских рабочих есть «внутреннее дело» вождей английских профсоюзов, и что русские профсоюзы этому предательству «ни в какой степени не могут и не должны мешать». Этой позорной сдачей всех большевистских позиций в международном профессиональном движении, этого перехода на позиции амстердамского объединения профсоюзов никаким, даже самым казуистическим толкованием тактики единого фронта оправдать нельзя. И Томский на апрельском пленуме мог сослаться только на то, что эти «уступки» были необходимы для сохранения Англо-Русского Комитета, а при решении вопроса об Англо-Русском Комитете нельзя забывать о его значении с точки зрения ограждения от опасности войны СССР, как оплота мировой революции. Англо-Русский Комитет нужно сохранить, чтобы ослабить опасность интервенции, таков решающий довод о сохранении Англо-Русского Комитета. Ради этого предатели рабочего класса объявлены «единственными представителями и выразителями» профессионально организованных рабочих Англии. Интересы международного профдвижения здесь принесены в жертву иллюзиям, будто бы оппортунисты английского рабочего движения могут и будут бороться против войны.

«Англо-русское единство, — говорит резолюция совещания, — особенно необходимо, как показано с наибольшей ясностью последними событиями для предотвращения угрозы нападения на Советский Союз, очаг первых рабочих республик». За эту ничего не значащую и ни к чему не обязывающую фразу предатели английского пролетариата объявлены единственными представителями «международного и

национального единства профессионального движения Великобритании». Более оппортунистического нарушения большевистской тактики нельзя себе представить.

Ленин всегда подчеркивал, что мирным заявлениям оппортунистов грош цена, что всякие пацифистские фразы пошлейший вздор, что единственный способ борьбы против войны — есть борьба за свержение капитализма. Теперь оплотом против войны объявляется Генсовет, тот самый, который «своевременно предупредил» английских рабочих об опасности наступления капитала и предал их во время этого наступления. Его теперешнее «своевременное» предупреждение об угрозе нападения на Советский Союз означает только, что в момент нападения он предаст Советский Союз так же, как предал своих рабочих. Поведение во время парламентских дебатов о разрыве торговых отношений с СССР английской «рабочей» партии, которая поклялась перед буржуазным парламентом в своей ненависти к коммунизму и голосовала против разрыва только потому, что «преступность» СССР по ее мнению недостаточно доказана — не оставляет в этом никаких сомнений.

Еще более вопиющим отступлением от основ революционной тактики является политика ЦК в отношении китайской революции. Более 75 лет тому назад в марте 1850 г. основы этой тактики были с полной отчетливостью намечены Марксом в письме к ЦК союза коммунистов, посвященном тактике коммунистов перед и во время революции. «Вместо того, чтобы спуститься до роли жира, одобрительно рукоплескающего буржуазным демократам, — писал он, — рабочие и прежде всего союз должны работать в том направлении, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиции и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний... Опьянение победой и радость по поводу положения вещей... они (рабочие) вообще должны, насколько это возможно, сдерживать спокойным и хладнокровным пониманием событий и нескрываемым недоверием к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны учреждать собственные революционные правительства, в виде ли правлений общин, общинных советов, в виде ли рабочих клубов и рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только потеряли опору в рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя». «Самое большее, что могут они (рабочие) сделать для своей конечной победы, —

заканчивается это письмо, — заключается в том, чтобы выяснить себе свои классовые интересы, чтобы занять, лишь это окажется возможным, свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дать лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевым лозунгом должно быть «непрерывная революция».

Эта тактика была проведена и на деле проверена большевистской партией под руководством Ленина в 1917 г. В Китайской революции те, которые в октябрьской революции были с Лениным (а частью и те, которые боролись против нее — Мартынов, Рафес) поступили как раз наоборот. Исполком Коминтерна под давлением ЦК ВКП все время удерживал Китайскую компартию внутри мелкобуржуазной партии гоминдана. После победы Гоминдана не было никакой попытки организовать среди рабочих «недоверие к новому правительству», наоборот, всячески демонстрировалась полная солидарность коммунистов с гоминдановским правительством, руководство в котором все более захватывали гоминдановцы во главе с главнокомандующим Чан-Кай-Ши. Не было, наконец, сделано никакой попытки организовать наряду с буржуазным правительством зачатки подлинно революционного правительства, опирающегося на широкие массы рабочих и крестьян, в форме советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые вместе с тем держали бы буржуазно-демократическое правительство под бдительным контролем и угрозой и не давали бы ему возможности предать революцию путем сговора с ее врагами. Вместо того, чтобы ориентировать китайскую компартию на развертывание народной революции в том смысле, как понимали ее Маркс и Ленин, руководство Коминтерном ориентировало китайских коммунистов на мелкобуржуазную партию Гоминдана и на «революционность» того или другого генерала. Гарантию против измены этих генералов видели не в революционном движении масс, не в вооружении рабочих, а в гоминдановских и коммунистических инструкторах в армии.

«Сначала закончить буржуазную революцию, а затем только переводить ее на социалистические рельсы» — эта архи меньшевистская «теория стадий» лежала в основе всей тактики, которую ЦК рекомендовал китайской компартии. Но даже и меньшевики при своей постановке вопроса никогда не считали возможным отказаться от организации собственной партии, открыто выступающей со своей программой и имеющей собственную обособленную организацию.

Самую задачу китайской революции ЦК в сущности сводит к борьбе против империалистов, как будто бы эту борьбу можно отделить от борьбы против своей буржуазии. «Китайская революция, — говорит резолюция московского партактива, — является буржуазно-демократической национально-освободительной революцией,

направленной главным своим острием против империализма, против феодальных отношений и феодально-капиталистических клик Китая, на которые опирается иностранный империализм».

Таким образом, даже борьба против феодальных классов мотивируется лишь тем, что они поддерживают империалистов. Задачи Китайской революции суживаются до войны с чужеземными угнетателями.

Только с этой точки зрения можно понять ту политику, которую ЦК, под флагом Коминтерна, ведет в Китае: она на деле сводится к поддержке всех тех, кто в данное время хочет воевать против империалистов. Отсюда тактика «блока четырех классов», отсюда нежелание «осложнять» войну рабочим движением, отсюда удерживание рабочих от стачек, отсюда разоружение шанхайских пролетариев для вооружения войск Чан-Кай-Ши перед шанхайским переворотом. Отсюда противодействие лозунгу захвата земли крестьянами. Отсюда, наконец, отказ от лозунга советов. Все это мешает войне, пугает буржуазию, пугает генералов с их наемными армиями.

Результаты этой политики теперь налицо. Расчет на гоминдановское правительство — прежнее кантонское или теперешнее уханское — безразлично, так же неверен, как и расчет на английскую рабочую партию, как на орудие мира в Европе. Буквально через несколько дней после того, как т. Сталин говорил на московском партактиве, что Чан-Кай-Ши не может, даже если бы захотел, произвести контрреволюционный переворот, ибо его армия находится под влиянием инструкторов коммунистов — этот переворот и сделка Чан-Кай-Ши с империалистами стали совершившимся фактом. Тактика ЦК, продиктованная боязнью испугать китайскую буржуазию и бросить ее в объятия империалистов приводит к тому, что эта буржуазия, не чувствуя на себе давления пролетариата, сама заключает сделку с империалистами. В этом состоял урок контрреволюционного переворота Чан-Кай-Ши, который ясно показывал, что та же история может повториться и с «революционным» уханским правительством, где в качестве министерства финансов сидит архи правый Сун-Фо, и которое располагает только наемными армиями под командой правых генералов. Теперь переворот в Чанша и примирительная позиция, занятая по отношению к нему «левым» гоминданом не может оставлять никаких сомнений в том, что и уханское правительство способно на сделку с империалистами не менее, чем Чан-Кай-Ши.

Политика ЦК, таким образом, все время сбивается с линии классовой борьбы международного пролетариата за мировую революцию на линию сотрудничества с мелкобуржуазными партиями — в Англии — во имя сохранения мира, в Китае — во имя войны с империалистами. Но и этих целей она не достигает. Ограждение от нападений

империалистов СССР, как первого государства диктатуры пролетариата в Европе и подрыв мощи империалистов на Востоке возможен лишь путем классовой борьбы пролетариата за свержение капитализма. Как и в других случаях ЦК и здесь не может разрешить даже тех ограниченных задач, которые он сам себе ставит.

Отказ от этой оппортунистической линии является необходимым условием для того, чтобы сохранить Коминтерн, как боевой штаб мировой революции. Поэтому:

1. По отношению к Западно-европейскому движению должен быть положен конец извращениям тактики единого фронта, которая является тактикой единства снизу, к не тактикой верхушечных соглашений с социал-предателями. Англо-Русский Комитет должен быть разорван.

2. В Китайской революции Коминтерн должен взять линию не на генералов, не на мелкобуржуазных демократов, а на развертывание революционного движения масс рабочих и крестьян. Исходя из того, что революция несмотря на измену генералов развивается, должен быть немедленно провозглашен курс организации советов. Коммунистическая партия должна немедленно выставить неурезанные лозунги (захват земли крестьянами, т. е. уничтожение арендной платы частным собственникам, 8-ми часовой рабочий день, свобода стачек, отмена обязательного арбитража, вооружение рабочих), не стесняясь тем, что выставление таких лозунгов привлечет за собой исключение из Гоминдана.

3. Роль иностранных партий, в первую голову наиболее испытанных (Германии, Франции, Италии) в руководстве Коминтерном должна быть усилена. Коминтерн должен стать боевым штабом мировой революции не только формально, но и по содержанию своей политики, и по составу своих исполнительных органов. Руководству этого штаба должны быть одинаково подчинены все входящие с него секции, в том числе и ВКП, «внутренние дела» которой более чем когда-либо становятся делом международного пролетариата.

4. Но этот штаб может стать действительным штабом мировой революции лишь в том случае, если он сумеет организовать массовые коммунистические партии, ведущие за собой рабочий класс. А это возможно лишь при условии ликвидации теперешнего режима в Коминтерне и установления режима внутрипартийной демократии.

5. Восстановить в правах членов Коминтерна все те группы, которые были исключены из него за оппозицию против оппортунистических извращений линии Коминтерна, и которые и вне Коминтерна остаются на большевистских ленинских позициях.

Ревизия марксизма и ленинизма.

«Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «угнетения» угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя революционное острие, опошляя его. На такой «обработке марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения» (Ленин, «Государство и Революция», гл.1).

История повторяется. Наиболее умные буржуа и оппортунисты внутри ВКП проделывают сейчас с учением Ленина то же самое, что буржуазия и социал-демократы проделывали с учением Маркса. Устрялов уже объявил себя ленинистом и выступает в защиту т. Сталина против оппозиции, утверждая, что т. Сталин, якобы, верен «делу» Ленина, в то время, как оппозиция держится за «букву» его учения. Буквально следуя примеру своих немецких собратьев, пытавшихся объявить революционера Маркса «национально-немецким» Марксом (см. ту же главу Ленина), он объявляет Ленина «национально-русским» Лениным, героем «возрождения России, направившим ее по пути, ведущему в «национальный пантеон, уготованный ей историей» (см. его статью «Собор XX-го века»). С другой стороны, теоретики сталинско-бухаринского толка, разумеется, в гораздо более прикрытой, замаскированной форме, отдавая на словах дань учению Ленина, воздвигнув Ленину мавзолей с его «нетленным трупом», шаг за шагом искажают учение Ленина, выдавая за «ленинизм» то, против чего усиленно боролся Ленин при жизни. Тов. Бухарин для того, чтобы протащить контрабандой свои воззрения на переходный к социализму период, изобретает теорию о «двух планах» Ленина — государственно-капиталистическом и кооперативном. «Смычка» с крестьянством, которую Ленин считал «допустимой, правильной и принципиально возможной только тогда, когда она поддерживает диктатуру пролетариата и является одной из мер, направленных к уничтожению классов» (Доклад о продналоге на Всероссийской конференции РКП 26 мая 1921 г.), превращается теперь в самоцель, в соглашение с крестьянством. Противоречия между государством и рабочими, неизбежность которых на протяжении всего переходного периода Ленин неоднократно и настойчиво подчеркивал, объявляется теперь несуществующим. Тактика единого фронта, которую Ленин выдвинул, как одно из средств борьбы с оппортунистами в рабочем движении, все более превращается в тактику соглашения с ними.

В полном соответствии с тем, что ЦК, сползая все более и более с классовой пролетарской линии, вынужден в то же время замаскировывать это сползание, теоретики

сталинско-бухаринского толка на словах рекламируют себя, как ортодоксальных «ленинистов», на деле же ревизуют Ленина и все более и более «выхолащивают революционное содержание» его учения. Эта ревизия ленинизма с полной отчетливостью проявилась по трем тесно связанным между собой важнейшим вопросам: по вопросу о связи социалистического строительства у нас с мировой революцией («теория победы социализма в одной стране»), по вопросу о характере нашего хозяйства вообще и по вопросу о характере наших государственных предприятий в частности.

Победа социализма в одной стране.

«Мы в этих дискуссиях (против «троцкизма») вполне завоевали, мне кажется, для все партии, ясное и точное убеждение в том, что из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашьям шагом и что все-таки мы этот социализм строим и что мы его построим» (Бухарин, «Три речи», стр. 48). Значение международной революции для нас сводится к тому, что «гарантией от интервенции, от новой войны, от реставрации, принесенной на штыках капиталистических армий, может быть только международная социалистическая революция» (там же, стр. 49).

Такая постановка вопроса есть чудовищно оппортунистическое извращение той позиции, которую занимала здесь до сих пор партия, и которая была сформулирована никем иным, как тем же т. Сталиным и не далее, как в апреле 1924 г. в его брошюре «Об основах ленинизма». «Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как наша, уже недостаточно — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран». Стоит только посмотреть, какими жалкими потугами т. Сталин старается теперь (напр. в своей брошюре «К вопросам ленинизма» и в своих выступлениях на VII расширенном пленуме ИККИ) разьяснить эту формулировку в том смысле, что построить социализм в одной стране можно, но вполне гарантировать его от интервенции без международной революции нельзя — чтобы понять с какой быстротой, не успевая даже заметить следов, этот «вождь» партии сползает в ревизионистское болото, и как далеко он уже сполз.

Оппортунистическая сущность этой новой теории не подлежит сомнению:

1) Международная революция при такой постановке вопроса становится только средством обороны нашей республики. Это объективно означает принципиальный переход по отношению к международной буржуазии на оборонительные позиции, что

особенно ярко подчеркивается в целом ряде выступлений т. Сталина и его сторонников, в которых они с удовлетворением отмечают, что одного наличия рабочего движения на Западе оказалось достаточно, чтобы парализовать опасность нападения на нас. Рабочее движение на Западе рассматривается здесь прежде всего как способ охранения СССР от нападения империалистических держав, а не как путь к международной революции. Нетрудно видеть насколько выдвигание на первый план этого значения революционного движения на Западе приспособлено для оправдания в глазах мелкой буржуазии деятельности Коминтерна.

2) Всем хорошо известно, что наша политика международной революции является одной из основных причин враждебного отношения к нам капиталистических держав и что отказ от нее был бы некоторой «гарантией от интервенции». И действительно теория «гарантий от интервенции» подготавливает почву для попыток искать этих гарантий не в развитии мировой революции, а в соглашении с капиталистическими державами. Таким образом, теория социализма в одной стране прямым путем ведет на путь соглашения с капиталистами в ущерб интересам мировой революции.

3) Сами авторы этой теории считают, что для построения социализма у нас потребуется 20–40 лет (речь т. Рыкова по политическому отчету ЦК на XIV съезде). Но тогда эта теория получает практический смысл лишь в том случае, если авторы ее считают возможной задержку революции на Западе на такой длительный период. И в самом деле, нет никаких сомнений, что политика ЦК исходит из молчаливого признания, что международная революция задержалась всерьез и надолго. Это означает отказ от ленинской формулы о вступлении мира в эпоху войн и революций, ликвидаторскую позицию по отношению к мировой революции.

4) Раз мировая революция есть, прежде всего, «гарантия от интервенции», а не необходимое условие завершения социалистического строительства, то в глазах рабочего класса мировая революция перестает быть связанной с его повседневными интересами, является для него только моральной и подчас неприятной обязанностью. Это прямым путем ведет к обособлению нашего пролетариата от международного пролетариата.

Демагогической клеветой является утверждение сторонников ЦК будто бы оппозиция стремится доказать, что без мировой революции мы не сегодня-завтра погибнем. Вопрос о судьбе диктатуры пролетариата решается не в теоретических спорах, а в реальной борьбе классов. Спор идет о гибели, о том, сможем ли мы без помощи более передовых стран перейти к социалистической организации производства, сможем ли мы выйти за рамки нэпа со всеми присущими ему противоречиями и опасностями. Здесь мы

подходим к вопросу о характере нашего хозяйства и наших государственных предприятий.

Наше хозяйство в целом.

Основную характеристику нашего хозяйственного строя Ленин отчетливо дал в следующих словах:

«Но что означает слово переход. Не означает ли оно в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма или социализма. Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России, а ведь в этом весь гвоздь вопроса. Перечислим эти элементы:

1. Патриархальное, т. е. в значительной степени, натуральное крестьянское хозяйство.
2. Мелкое товарное производство, сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб.
3. Частно-хозяйственный капитализм.
4. Государственный капитализм.
6. Социализм».

(Ленин, т. XVIII, стр. 103).

Здесь говорится об элементах различных общественно-экономических укладов. Только в вольном изложении т. Бухарина «элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России», превратились в пять типов хозяйств. А это значит, что Ленин, определяя наш хозяйственный строй, как переходный, смешанный, отнюдь не понимал дела так, что одни хозяйства патриархальные (т. е. целиком натуральные), другие — мелкие товарные (т. е. производящие исключительно на рынок), третьи — частно-капиталистические (т. е. живущие исключительно прибавочной стоимостью в отличие от кулака, например, применяющего и свою рабочую силу), четвертые — государственно-капиталистические, пятые — чисто социалистические. Наоборот, он не уставал подчеркивать, что в переходный период борьба между элементами социализма и капитализма идет по всему фронту, что различные элементы перемешаны в разных сочетаниях и разных пропорциях всюду, что «миллионы щупальцев мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни».

Смысл его плана заключался в том, чтобы опираясь на этот участок хозяйства, которым мы наиболее прочно овладели — на государственную промышленность — через

концессии, смешанные общества, кооперацию овладеть частным хозяйством, поставить капиталистические элементы под контроль пролетарского государства, и постепенно ослабляя их, подойти к социалистической организации производства. Вместо этой глубоко диалектической постановки вопроса бухаринско-сталинская теория метафизически делит все наше хозяйство на участки («секторы») социалистические, государственно-капиталистические и т. д., относя к социализму все, что находится в руках государства (т. е. и кредит, и государственную торговлю и денежное обращение). Отсюда ее вывод, что поскольку «государственно-капиталистические» предприятия — концессии и аренда — нам не удалась, с одной стороны, а роль государственного хозяйства с другой, за это время выросла, постольку значение госкапиталистических форм свелось к ничтожным размерам, что сам Ленин перешел будто бы к другому «кооперативному плану» развития нашего хозяйства, и что вся задача социалистического строительства сводится теперь только к усилению роли в народном хозяйстве государственных и кооперативных предприятий. Эта теория усиленно замазывает, что и в государственном хозяйстве имеются капиталистические элементы, что роль их с переходом на денежное хозяйство усилилась, забывая, что сам Ленин переход от натурального товарооборота к денежному рассматривал, как дальнейшее отступление, и предупреждал об опасностях этого отступления. («С товарообменом ничего не вышло. Частный рынок оказался сильнее нас и вместо товарообмена получилось просто «купля-продажа». «Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения». Речь на Московской партконференции 29-го октября 1921 г.). На эти опасности «сталинцы» и «бухаринцы» предпочитают закрывать глаза. Поэтому и вопрос о борьбе капитализма и социализма в нашем хозяйстве ставится ими совсем по-иному.

«Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа, либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Ковеньяки, именно на этой мелкособственнической основе и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос». Так ставил вопрос Ленин. (Ленин, «О продовольственном налоге»).

Сталинская группа ставит вопрос иначе: «нельзя сравнивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идет по обычной линии капитализма... Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути, хотя бы потому, что наличие советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития» (Сталин «Об основах ленинизма»).

«Крестьянство не социалистично по своему положению. Но оно должно стать и обязательно станет на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения» (Сталин — «К вопросам ленинизма», стр. 56).

Вопроса «кто кого» для новой теории не существует. Он уже решен: раз промышленность в наших руках, то она социалистическая, раз она социалистическая, то крестьянство неизбежно пойдет по пути социализма, ибо, раз крестьянство не хочет нищеты и разорения, то оно и сумеет сделать так, чтобы этой нищеты и разорения не было. Конкретный анализ действительности заменяется этим логическим рассуждением, от которого за версту несет народничеством и которое ведет к тем же последствиям, что и народничество. Оптимистические речи о неизбежности социалистического развития деревни, рассеивающие всякую «панику перед кулаком» только способствуют тому, чтобы не замечать, как «мелкобуржуазная гидра врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни», ослаблять нашу борьбу против капиталистических элементов нашего хозяйства.

«Кто не видит этого, — сказал по этому поводу Ленин, — тот как раз своей слепотой и обнаруживает всю свою плененность мелкобуржуазными предрассудками».

Наши государственные предприятия.

Той же схоластикой проникнуты и рассуждения «сталинцев» и «бухаринцев» по вопросу о характере наших предприятий.

Их точка зрения по этому вопросу наиболее отчетливо была сформулирована на XIV-й Московской конференции. В речах т. Рыкова и т. Бухарина наша промышленность определялась прямо, как социалистическая. Ни одного слова нет о том, что в ней имеются хотя отдельные элементы капитализма. Все ее недостатки сводятся по их мнению к тому, что «наша промышленность бедна, рабочие живут бедно, заработная плата мала, у нас рабочие получают меньше, чем Форда» (Доклад т. Рыкова). Лишь в докладах на XIV съезде и после него появились оговорки о том, что хотя наши предприятия и последовательно-социалистического типа, но в рамках госпромышленности не вполне социалистические отношения между людьми» (Бухарин, — доклад на собрании активных работников московской организации 5-го января 26 года). Но эти робкие оговорки не могут скрыть общей тенденции объявить структуру нашей промышленности просто социалистической, особенно если вспомнить, что еще в своей полемике с Каутским тот же Бухарин перед лицом растущей безработицы имел непонятную смелость заявить, что «в строгом смысле слова термин «наемный рабочий» неприменим к рабочим государственной промышленности. Мы его употребляем лишь за неимением другого

термина» («Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол», стр. 64). Недаром Ленин сказал про Бухарина: «он никогда не учился и я думаю никогда не понимал вполне диалектики». Вся эта доктринерская схоластика на деле льет воду на мельницу оппортунизма.

Наши предприятия принадлежат государству, а во главе этого государства стоит пролетариат. В этом огромная и принципиальная разница с капиталистическими предприятиями, благодаря которым, если только власть пролетариата сохраняется и укрепляется, наши предприятия, естественно стремятся эволюционным путем перейти к социалистическим формам производства. Это же отличает их и от всех других хозяйственных форм, существующих у нас в настоящее время: в то время, как последние могут (как кооперативные) или стихийно стремятся (как крестьянские, ремесленные и частные) и при незыблемости диктатуры пролетариата эволюционировать по капиталистическому, сохранение пролетарской диктатуры является единственным условием, необходимым для того, чтобы обеспечить нашим госпредприятиям развитие в сторону социализма. Только низвержение этой диктатуры или ее перерождение может изменить направление их развития. В этом смысле, в общей системе нашего хозяйства они являются подлинной базой нашего социалистического строительства, но это не значит, что они уже сейчас социалистические.

Социализм отличается от капитализма тем, рабочая сила перестает быть товаром. Между тем, в условиях нэпа рабочая сила покупается, хотя и пролетарским государством, но на рынке, и только в качестве товара, наряду со средствами производства становится одним из элементов производственного процесса. Что это обстоятельство не только «капиталистическая маска», как выражаются некоторые молодые теоретики бухаринской школы, которую для чего-то нужно носить последовательно-социалистическому предприятию, а ведет к очень практическим последствиям, обнаруживается тотчас же как только эта рабочая сила по тем или иным причинам оказывается для производства излишней. Рабочий становится тогда безработным. Мы можем ему в таком случае давать большее пособие, чем это делает капиталист, больше заботиться о нем, но все это не уничтожает коренной разницы с социалистической структурой производства, при которой избыток человеческого труда сравнительно с потребностью в нем влечет за собой сокращение количества труда каждого отдельного рабочего, а не сокращение количества рабочих. Называть социализмом (хотя бы и плохим) такие формы организации производства, при которых рабочая сила осталась товаром, — это значит заниматься пошлейшим приукрашиванием действительности, только дискредитирующим социализм

в глазах рабочих, объявлять решенной ту задачу, которая еще стоит перед нами, — объявлять нэп социализмом.

Сосредоточив в руках государства основную часть средств производства, мы создали предпосылки для перехода к социализму. Но даже в такой самой важной области, как отношение предприятия к рабочему, мы вынуждены еще сохранять капиталистические (хотя и без капиталистов) формы. А вынуждены мы их сохранять потому, что наш национальный уровень производительности труда чересчур низок, что мы не в состоянии обеспечить при этом уровне хотя бы и невысокий уровень существования всей массе свободной рабочей силы, имеющейся в стране (в результате чего часть ее мы вынуждены держать на положении резервной рабочей армии), что деревня, не имея возможности при слабости нашей промышленности, развивать свои производительные силы, без классового расслоения, выбрасывает из своих недр массу безработных. Лишь на основе высокого уровня техники Западной Европы сумеем мы преодолеть все эти явления настолько, чтобы не только улучшить положение рабочего (это мы должны и можем делать и в рамках нашего хозяйства), но и превратить его из наемного рабочего в члена социалистического общества, которому всегда обеспечена и работа и средства существования. Именно в этом и заключается органическая связь нашего социалистического строительства с международной революцией. Отказываясь от этой позиции, сталинская группа переходит на позиции национального социализма, а этот национальный социализм в свою очередь сводит до уровня нэпа.

Было бы наивностью полагать, что это извращение и марксизма и учения Ленина остается только в области теории — из него следуют очень практические выводы. Ярче всего они были выражены т. Молотовым в его речи на XIV Московской конференции.

«Наше государство — рабочее государство и поэтому противопоставления рабочих государству мы ни в коем случае принимать не можем. Даже зародыш этой мысли партия допустить не может и не должна». И далее: «как же можно приближать рабочих к государству, т. е. самих же рабочих приближать к рабочему классу, стоящему у власти». Стоит только сопоставить это рассуждение с речью Ленина против т. т. Бухарина и Троцкого на фракции VIII съезда советов по вопросу о профессиональных союзах, чтобы понять, как беззастенчиво извращают Ленина теперешние «ленинисты». Ленин даже в начале 1921 г. т. е. даже во время военного коммунизма с величайшей резкостью подчеркивал, что «поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими своего государства». Это же было подтверждено и на XI съезде партии, в момент перехода к развернутой форме нэпа, к хозяйственному расчету на

госпредприятиях и к денежному товарообороту. «Перевод госпредприятий на хозрасчет, — говорит резолюция этого съезда о роли и задачах профсоюзов, — неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам труда между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат». Теперь же в обстановке еще более развернутого нэпа, усиления классового расслоения крестьянства, появления новой буржуазии и несравненно большего, чем тогда давления этих классов на рабочее государство, вновь возрождается старая схоластика, которую Ленин клеймил «интеллигентскими разговорами» и «абстрактными рассуждениями», утверждая, что рабочие и рабочее государство едино суть. Это значит, в разгар нэпа возрождать теорию огосударствления профсоюзов, всякое требование рабочих к государству объявлять чуть ли не бунтом, в момент развязывания мелкобуржуазной демократии связать рабочий класс по рукам и ногам, широко открыв тем ворота в рабочее государство мелкобуржуазным элементам, повести советскую власть по пути перерождения.

Мы видели, как эта теория практически проводится в жизнь политикой ЦК по рабочему вопросу в течение последних лет. При каждом хозяйственном затруднении, вытекает ли оно из объективных условий или из мелкобуржуазных ошибок ЦК, от рабочих требуют жертв, якобы, во имя социалистического строительства, во имя «общеклассовых интересов». Всякое сопротивление этому со стороны рабочих объявляется «защитой цеховых интересов». Мы видели, как товарищ Сталин создает теперь целую теорию будто бы ни один крупный шаг не обходился у нас без некоторых жертв со стороны отдельных групп рабочего класса в интересах всего класса рабочих нашей страны, и что «мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами в интересах рабочего класса в целом».

Партия пролетариата не нуждается в приукрашивании действительности. Наоборот, она должна, как это и делал Ленин, точно и определенно разъяснять рабочему классу, какова действительная степень нашего приближения к социализму, не допуская здесь ни малейших преувеличений. Не вина наша, а наша беда, которой пролетарской партии скрывать незачем, что рабочая сила все чаще остается у нас товаром. И до тех пор, пока это так, нельзя ставить знак равенства между госпредприятиями и социализмом, до тех пор, нельзя ставить знак равенства между рабочими и рабочим государством, до тех пор, определяя отношения между ними, мы должны оставаться на прежней ленинской формулировке, отражающей существующие противоречия и дающей ключ к его преодолению: наша задача в том, чтобы организовать рабочих для защиты их от наших несовершенных предприятий и несовершенного рабочего государства и для защиты

рабочими этих несовершенных предприятий и несовершенного государства от его классовых врагов.

Теоретические же измышления новых «ленинистов», претендующие стать теперь официальной идеологией партии, похожи на учение Ленина не больше, чем марксизм вождей II-го интернационала довоенной эпохи был похож на учение Маркса.

1) Явно выраженный мелкобуржуазный уклон в отношении промышленности, ведущий к задержке роста производительных сил страны, росту несоответствия между промышленностью и сельским хозяйством, росту безработицы и росту паразитической буржуазии;

2) Нажим на рабочих, низкий уровень их заработной платы и высокий уровень интенсивности труда, ведущий к противопоставлению интересов советского государства и рабочего;

3) Кулацкая по сути дела линия в деревне, приводящая к полному бессилию в области мероприятий по развитию социалистических элементов в сельском хозяйстве, с одной стороны, и ослаблению классовой борьбы с кулаком — с другой;

4) Бюрократизация советского государства наряду с усилением влияния в нем непролетарских классов;

5) Шатания в области политики Коминтерна, приводящие к извращению тактики единого фронта вплоть до объединения с предателями пролетариата в англо-русском комитете и к отказу от революционной тактики классовой борьбы в Китае;

6) Отход от ленинской теории в вопросе о социализме в одной стране, о характере хозяйства переходного периода и характере в переходный период национализированных предприятий, означающий на деле переход на позиции «национального социализма» и объявление нэпа социализмом;

7) Внутрипартийный режим, давящий активность рабочей части партии, отрывающий партию от масс рабочего класса, приводящий к перерождению верхушку партии и грозящий ликвидировать партию, как авангард пролетариата, превратив ее в подсобный орган государственной власти — все это показывает, что нынешние руководители ЦК подходят к последним пределам сползания с пролетарских позиций.

Это, конечно, не означает, что партия переродилась. Несмотря на политику ЦК, задерживающую рост индустриализации СССР из боязни перед мелкой буржуазией, пролетариат растет и сплачивается. Отпор мелкобуржуазным шатаниям со стороны рабочей части партии усиливается. Кампании «против вылазок» оппозиции имеют все меньший успех. Перед лицом опасности перерождения диктатуры пролетариата, партия

должна найти в себе силы в корне изменить внутрипартийный режим, возродить себя, как авангард пролетариата, укрепить ослабевшие связи с ним и организовать вместе с ним мощный отпор растущему давлению мелкобуржуазных классов. Под этими лозунгами должна пройти подготовка к XV-му съезду, который должен дать отпор мелкобуржуазным шатаниям и установить в противоположность им твердую пролетарскую большевистскую линию.

Заварьян Н.— 1906 г.Партбилет №0040175

Емельянов (Калин) Б.— 1910 г.№0040174

Сапронов Т.В.— 1911 г.

Мино М.Н.— 1917 г.№0051235

Миньков М.И.— 1912 г.№0009836

Смирнов В.М.— 1907 г.№0064227

Харечко Т.— 1914 г.№0008787

Оборин В.П.— 1904 г.№0051244

Дашковский И.К.— 1917 г.№0293317

Шрейбер С.— 1908 г.№0751642

Смирнов М.— 1917 г.№0603155

Пилипенко Ф.И.— 1917 г.№0009345

Дунэ Э.— 1917 г.№0051603

Слидовкер А.Л.— 1917 г. №0052874

Тихонов Л.— 1917 г.№0095213

Подлинные подписи прилагаются. На подпись т. Сапронова получено согласие.

27/VI—1927 года.

Опубликовано в: Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927.
Т. 4. М., 1990.